

Октябрь сорок первого. Шестьдесят пехотных, танковых и моторизованных дивизий группы армий «Центр» начали операцию «Тайфун» — мощный и стремительный рывок на Москву, который должен был окончательно решить судьбу похода германской армии на восток.

На брянском направлении танкам и мотопехоте 2-й танковой группы генерала Гудериана противостояли войска Брянского фронта, в том числе 50-я армия генерала Петрова. В первые же дни немецкого удара фронт армии был разрезан, и её дивизии, полки, а порой батальоны и отдельные отряды сражались изолированно. Те, кто выжил и выдержал первый натиск, отходили к Туле. К Туле стремились и танки Гудериана. Началась гонка: кто первым займёт город и оборонительный район в окрестностях. Две массы войск, утопая в грязи, спешили на восток. Одни — чтобы занять удобные позиции и оборонять город и тыловую Москву на заранее подготовленных рубежах. Другие — чтобы лишить войска противника, сбитые с позиций под Брянском, всякой опоры и на их плечах ворваться в Москву.

Командарм Петров, герой Испании, погибнет в пути. Армию возглавит другой генерал — Ермаков. Энергично проведёт перегруппировку остатков частей, вышедших к Туле, и с ними остановит танки Гудериана. Генерала Ермакова вскоре после этого отдадут под суд, но это уже другая повесть...

Солдаты, отступавшие в те дни и ночи по разбитым дорогам Брянщины к Туле, ничего этого не знали. Они просто бежали на восток, к Москве. Никто из них не мог и предполагать, что ждёт их в конце пути. И где этот путь закончится для них. Бегущим всё казалось пропавшим, уничтоженным, раздавленным гусеницами немецких танков, сожжённым точным огнём чужой артиллерии. И собственные

жизни им представлялись случайными химерами, которые вот-вот тоже растают, растворятся в дымке бесконечных дорог, в нежной до слёз белизне перелесков, превратятся в землю и дождь.

Глава первая. Бег

— Наше дело какое?.. — рассуждал пожилой сержант Отяпов, расправляя перед ярким пламенем костра сырые портянки. — Наше дело — солдатское. Приказали бежать, мы и бежим. Бежать — не позор. Это я вам говорю точно. Потому как можно и вернуться.

И Отяпов хитровато и весело улыбнулся, шевельнул свою портянку, от которой сразу пошёл густой мужицкий дух; смешиваясь с дымом махорки, этот его дух скручивался в такой ядрёный жгут, что им, как в те минуты казалось Отяпову, можно было повалить любую вражью силу. Поэтому, должно быть, он и улыбался в одиночку. Улыбался, изо всех душевных сил стараясь не унывать, сержант Отяпов ещё и для того, чтобы хоть как-то справиться со страхом и собственной бессмысленной злостью. Правда, смысл-то у его злости был, но выхода той злости случая пока не представилось.

Третьи сутки полк на марше. Но марш складывался по какому-то несуразному уставу. Порядка того устава никто не знал, но следовать ему — куда деваться? — приходилось. Командиры стали неразговорчивые. Видать, думал себе сержант Отяпов, всё это оттого, что на прежних позициях много добра покидали, а теперь за такую бесхозяйственность и, если строже смотреть, форменное вредительство придётся отвечать перед родиной и народом. Но народ-то, перед которым надо было держать ответ, и сам бежал, горбясь под мокрым снегом в промокших шинелях и ватниках. И то хорошо, что хоть винтовки не побросали. А родина всё не кончалась и не кончалась. Правда, дороги становились всё хуже и хуже.

— Ты, Отяпов, своим штандартом тут перед нами не маши, — сказал ефрейтор-связист, прибившийся к их взводу по дороге.

— А что такое? Аппетит испорчу? Так всё одно с утра ничего не ели, и, видать, до утра ничего такого не предвидится.

— Вот выйдем к Ресете, там, в Хвастовичах, стоят наши дивизионные тылы. Там нам и кухня, и отдых. Так что, ребята, не падайте духом, — ротный стоял чуть поодаль, под разлапистой елью, и тоже нервно курил, заглушая голод и тоску.

Обсушиться они и на этот раз не успели. Пронеслось по лесу от костра к костру вдоль остановившейся на час-другой солдатской реки-дороги: — Тушить костры! Приготовиться к маршу!

И снова двинулись по осенней слякоти, изнашивая остатки обуви, которая первая страдала во время любых неурядиц. Вот, думал сержант Отяпов, с беспокойством поглядывая на свои ботинки, и спать вам не надобно, и есть не просите, а силу свою изнашиваете прежде моей, человеческой. Ещё месяц назад он получил со склада совсем новенькие ботинки. Крепкие, как борона. От них сладко пахло дёгтем и кожей. И сносу им, казалось, не будет. А что он в них повоевал? Какие такие сроки? Неделю и два дня. До этого нёс службу при дивизионной прачечной. Контингент там, что и говорить, оказался не окопный. Бабы и есть бабы. С ними одна война. Но всё же было повеселее. А тут вон и шутки никто не понимает. . .

В левом ботинке неприятно похолодало, а вскоре и вовсе захлюпало. Что ж ты, боец, с досадой поглядывал на свой ботинок Отяпов, так скоро из строя запросился? Да, вот попробуй, хоть какой ты будь командир, но прикажи ему, ботинку, воду не пропускать! Хрен он тебя послушается. А ты, сутки не кормленный, с десятью патронами в под сумке, изволь, исполняй то, что тебе прикажут. А что прикажут? Приказ бойцу всегда един — родину оборонять. Вот и оборони её, с десятью-то патронами. . . Хорошо, что придумал Отяпов себе вот какое облегчение жизни: выменял за горсть табака у ефрейтора-связиста новенькую пару фланелевых портянок, подвернул их, сверху обмотки — и как всё равно в сапогах! Но где-то сбоку начал расходиться шов, видать, раскис. Сырость, грязь, непогода. . . Надо бы просушить ботинок, почистить его и подбить свежими деревянными шипами. Но где о таком думать в этой кутерьме?

Спать на ходу для Отяпова — дело тоже привычное. Лишь бы на чей-нибудь штык не напороться. А то споткнётся кто из впереди идущих, выставит свою винтовку с примкнутым штыком, а ты — на него. Хорошо, народ почти побросал свои штыки. Ни к чему они теперь им, бегущим. Только за берёзки цепляться, движение задерживать. Но побросали не все.

А дрёма так и охватывает, так и ласкает тело. Натурально бабья натура у этой дорожной усталости. . . Нет сил отгонять её. Так и прилёт бы сейчас под любым кустом, хотя бы вон под тем, или под тем, где мох погуще. Да, мечтал сержант Отяпов, прилечь после такой дороги — дело самое подходящее и простибельное. Не посмотрел бы

ни на сырь, ни на что. Притулил бы голову на мягкий мох, раскинул руки. Только бы выспался вволю, а там будь что будет. . .

И посреди этих своих сгубо личных мыслей встрепенулся Отяпов, открыл глаза и увидел идущего рядом старшего лейтенанта Безлесова. Тот, похоже, тоже на него глянул. Как бы не догадался, о чём я только что возмечтал, беспокоино подумал Отяпов. Вспомнил вечернее происшествие. . .

ЧП случилось, когда только-только начало смеркаться и дивизия, закончив днёвку, побатальонно начала выдвигаться на лесную дорогу. Из роты пропали двое. Отяпов их знал. Тамбовские. Вроде бы хорошие, надёжные ребята. На Десне лежал с ними в одном окопе, когда немец налетел самолётами и начал обрабатывать тяжёлыми бомбами передний край обороны полка. Ничего, бомбёжку пережили благополучно, медвежатиной от них после налёта не пахло. Потом отбивали танковую атаку. Один танк прошёл через их окопы, и артиллеристы подожгли его уже в тылу, возле блиндажей санчасти. Но и тут тамбовские не сплеховали. Стреляли, как все, отсекали пехоту. Пехота — на танки, через их окопы не прошла.

И вот — ушли с поста. Смена пришла, а их и след прощлы.

Роту послали на поиски. Прочесали ближайший перелесок, нашли. Сперва винтовки. Они их побросали в куст. Подсумки, гранаты, всю боевую амуницию. Навоевались. А потом поймали, похватили и самих беглых.

Расстреливали перед дорогой, чтобы видел весь полк. Зачитали приказ. Вырыли ямку. А полковая колонна всё шла и шла мимо, и все смотрели на тамбовских, как они стояли над ямкой под берёзой белые как мел и ждали каждый своей пули.

Когда комендантские вскинули винтовки, Отяпов машинально, словно от вспышки близкого разрыва, закрыл глаза. И пока не бахнул залп — не открывал. Смотреть на то, как умирали тамбовские, не хотелось. Отяпову почему-то их было всё же жалко. Хоть и присяге они изменили, и товарищей своих бросили, в том числе и его, Отяпова, но всё же в душе стонала какая-то жалость и сомнение, что можно было бы и не расстреливать бойцов за малодушие, за проявленную трусость и прочие отвратительные проявления, достойные всяческого осуждения и даже презрения товарищей по оружию. Пострадать, попозорить, но жизнь оставить. Потому Отяпов и зажмурился, когда захлопали возле берёзы затворы.

А некоторые смотрели. И потом обсуждали, вспоминали, как падали расстрелянные в яму и как их комендантские торопливо закапывали. . .

Левый ботинок разваливался. А тамбовских расстреляли в сапогах, и сапоги на них были добротные, первого срока. Думать о сапогах расстрелянных, а уж тем более сожалеть о них, конечно же,

стыдно. Но вот сейчас через шаг-другой отвалится подмётка — и что тогда ему, сержанту Отяпову, делать посреди фронтовой дороги? Как воевать дальше? Нет, упрямо думал он, кое-как преодолевая сон и усталость, командование всё же поступило расточительно. И не только с расстрелом, но и с сапогами расстрелянных. Пускай бы старшины забрали в свой обменный фонд, а там бы, глядишь, и таким, как Отяпов, что-нибудь из того обменного склада справедливо и заслуженно перепало.

За этими мыслями, которые совсем истерзали Отяпова, и застал его свистящий шорох снаряда. Снаряд пролетел мимо и разорвался где-то в глубине леса правее колонны. Но то, что он откуда-то прилетел, и прилетел сюда, к большаку, по которому шли батальонные колонны, тянулись обозы тылов и артиллерийские запряжки, было плохим знаком.

Снег к утру усилился. Залеплял лицо и сёк, со звоном, будто колючей проволокой, царапал по каске. Но снег так не беспокоил. Что снег, если через два дня Покров? Снегу уже и пора. Обеспокоил Отяпова снаряд.

Прилетел, соколясный, пёс клыкастый... Значит, немцы их колонну обнаружили. Дают пристрелочные. Сейчас должен второй прилететь. Если не прилетит, загадал Отяпов, значит, напрасно я тревожусь, шальной залетел.

Второй снаряд лёг уже поближе к дороге. Видно было, как блеснуло за деревьями, и чуть погода посыпалась по кустам осколки. А третий на куски разнёс санитарный фургон. Машина стояла на пригорке перед лощиной, и из неё перегружали на повозки раненых. Видать, закончилась горючка. Вот как неудачно остановился. Слишком видное место. Шофёр-то, видать, растяпа...

— Господи Иисусе Христе, — и Отяпов украдкой перекрестился.

Бойцы кинулись было спасать уцелевших, но им замахали руками выбежавшие навстречу санитары:

— Не надо! Не надо! Никого там уже нет.

Начали помогать санитарному обозу перетаскаться через лощину. Дорогу совсем растолкли. Вперёд ушли танки и бронетранспортёры. Тракторы протащили тяжёлые орудия. И теперь телеги по ступицы проваливались в колеи, заполненные густой осенней жижей. Такая только к весне затвердеет, в нормальную дорогу превратится. Или когда приморозит. Кони лезли из гужей. Да, думал Отяпов, глядя на старания коней, нам несладко тут о смерти думать, а каково им...

— Впрягайся, пехота, без нас и тут беда, — приказал ротный и сам принялся толкать повозку.

Раненые были прикрыты шинелями и соломой, и только бледные лица их колыхались в темноте. Иногда слышался стон или какая-нибудь просьба, которую наверняка никто не выполнял.

— Да какой тебе закурить? — терпеливо увещевал старшина какого-то бедолагу. — Вот переправимся на тот берег, там покурим. А тут... Тут германец не разрешает. Так что терпи.

Снаряды теперь падали справа и слева, впереди и позади.

— Шире шаг, мать-перемать! — кричал какой-то незнакомый капитан в распахнутой шинели с обгорелыми полами.

Высокий и худой, как обгорелое дерево, он стоял на взгорке и размахивал чёрным трофейным автоматом без магазина. Всё перепуталось, думал Отяпов, торопя идущего впереди ефрейтора-связиста:

— Давай, Курносов, шибче двигайся. А то немец прихватит серёд дороги.

— На дороге — не беда. Лес рядом. А вот ежели на переправе...

Переправа, как понял Отяпов, совсем скоро. К ней и тянулись батальонные колонны и обозы.

Рядом уже несколько километров тянулся санитарный обоз. Будто прилип. Раньше его не было. На раненых смотреть было тоскливо.

— Дядя Нил, подсоби! — услышал он вдруг знакомый голос.

Присмотрелся: Господи Иисусе, так это ж Лидка! Лидка Брусиленкова, его свояченица племянница из соседних Боровичей. До войны фельдшером работала в районной больнице. А теперь вот тоже тут, в шинельке да в пилотке.

Лидка нахлёстывала серого исхудалого коня, до плеч забрызганного дорожной грязью. В повозке лежал раненый. Его трепало так, что голова его билась о грядку. Отяпову даже показалось, что Лидка везёт мёртвого. Совсем одурела девка. Мёртвых складывали у дороги, мёртвых дальше не везли. А на их место тут же притаскивали только что упавшего и наспех перевязанного, в кровавых бинтах. Телеги не пустовали.

— Ты ж откудова, дочка, в наш ад свалилась? — посочувствовал ей Отяпов, подтолкнул к повозке ефрейтора Курносова и сам как следует налёг на полók.

Ещё двое бойцов из их роты ухватились за тяжи. Конь, почувствовав помощь, полез по грязи, как чёрт, и через минуту-другую они уже весело бежали, то ли подталкивая полók, то ли держась за него.

Отяпову показалось, что от раненого потянуло сивушным духом. Он присмотрелся к лежавшему под солдатским одеялом и вдруг узнал в нём комбата. Толкнул Лидку.

— Мне велено переправить товарища капитана Титкова на тот берег Ресеты, — упреждая его взгляд, сказала Лидка и отвернулась.

— Куда ж его ранило? — тихо, чтобы тот не услышал, спросил Отяпов, уже догадываясь, что ответит Лидка.

Но она ничего не сказала. Будто не расслышала. Бойтся, подумал Отяпов. Или бойтся, или, чего хуже, жалеет этого дезертира.

— Скидай его в канаву, сук-кина сына! — и Отяпов потянулся, чтобы перехватить вожжи.

Но Лидка огрела его кнутом, так и обожгла мокрой и тугой, как проволока, супонью по руке. Потом начала нахлестывать коня, и тот понёс повозку обочиной, испуганно обгоняя понуро бредущих бойцов.

Вот жизнь, думал Отяпов, твою капитана-мать... А ведь — капитан, со шпалой в петлицах. В такое время батальон бросил...

На Лидку Отяпов не злился. Может, влюбилась, дурёха, в своего командира. До войны на женихов ей не везло. Двадцать пять лет, а никто замуж так и не позвал. А на войне женихов много. Лидка прибыла, видать, с последним пополнением. Надо ж, в одном батальоне, а ни разу не встретились.

Пока вытаскивал из грязи повозку с пьяным комбатом, левый ботинок совсем рот разинул, и вода в него пошла вместе с дорожным грунтом — полной рекой... Твою-капитана, про себя выругался Отяпов, но о комбате уже не думал. Думал о Лидке.

Что злиться на Лидку? К тому же приказ ей отдан... А коли приказ, то как быть военному человеку? Исполнять! А как иначе?

А вот он бы поступил иначе. И Отяпов вспомнил, как в тридцать шестом с мужиками искупал в пруду пьяного председателя колхоза. Тоже горячка была, дожди пошли, а сено всё в лугах, разтрясено, мокнет, гниёт. Председатель в правлении со счетоводкой и уполномоченным из района гулянку затеяли. Ну и нагрянули колхозники к ним на честной пир, вытащили всех троих на пруд и искупали в рыске... Чуть не посадили. Хотели припаять неуважение к власти или что-то такое, по вредительской части. Но обошлось. Председатель райисполкома вмешался. Хороший мужик. Сейчас тоже где-то воюет. Может, полком командует, может, по политической части кем. Такие нынче при больших штабах...

Чем ближе к переправе, тем сильнее огонь. Мины хрюскали уже в самой гуще народа. Лидка с пьяным комбатом унеслась куда-то вперёд. Её глубоко надвинутую на голову пилотку Отяпов давно потерял из виду. Хорошо, Курносов выручил, связист, дал ему кусок провода, и Отяпов тем проводом хорошоенько скрутил ботинок. Теперь даже вода меньше поступала внутрь, и можно было не беспокоиться, что подошва отвалится и потеряется в грязи. Спасали, конечно, портянки.

Да провод Курносова. Вот спасибо ефрейтору, не зря что связист.

Впереди открылась широкая пойма. Мост. Дымящиеся воронки вокруг. И через всю пойму, сбиваясь у моста в плотное серое стадо, шёл, колыхался сплошной серый поток. Этот поток гудел угрюмыми и злыми голосами, гремел оружием и снаряжением, матерился, стонал и кашлял. В нём чувствовались нечеловеческое напряжение, страх и надежда, что самое опасное вот-вот будет пройдено, останется позади. Страх передавался и лошадям, и они шарахались по сторонам, сбивали с ног людей, сами падали на колени, ломая оглобли. Но сломанные оглобли тут же скручивали ремнями, и кони снова шли вперёд в том же потоке.

— Давай, Курносов, не отставай, братец, — торопил Отяпов связиста.

Поток, в котором они оказались, вылился из леса в пойму. На какое-то время людям стало просторней и легче бежать к мосту. Туда устремились все, и пешие, и конные. Совсем рядом ударил снаряд. Отяпова обдало болотиной и горячим тухлым воздухом сгоревшей взрывчатки. Охнул бежавший впереди боец и ухватился за воздух. На мгновение Отяпов встретился с ним взглядом. Лицо знакомое, вроде из соседнего взвода, второй номер пулёмётного расчёта. Так и есть, на боку сумка с запасными дисками для дп¹. Надо бы помочь пулёмётчику, мелькнуло в голове, но тут же эту мысль, словно осколком, перерубило другой: не справлюсь, не донесу, уж больно парень велик для моих плеч; эх, твою-капитана, всех не вынесешь, не спасёшь. Кому-то и тут лежать...

— Держи, не потеряй! — И Отяпов сунул сержанту свою винтовку.

Пулёмётчик действительно оказался тяжёлым. Глубже стали протопать ноги в жидкой болотине. Хорошо, что сапёры загатили колею, и вязанки хвороста всё же кое-как держали, пружинили под ногами, не давали провалиться в пучину.

У самого моста началась давка. Отяпова с его ношей на плече сжали со всех сторон и понесли по настилу вперёд, так что он едва успевал переставлять ноги, чтобы не упасть и не быть задавленным в этом злом и неистовом человеческом месиве, где каждый спасал свою жизнь. Курносов хрипел рядом. Только бы не бросил мою винтовку, беспокоился Отяпов. Только бы снаряд не попал в настил...

И в это время, когда они были уже на середине моста, серия снарядов накрыла пойму на той стороне, откуда они только что ушли, серый поток и край настила. Вверх полетели куски одежды и человеческих тел, брёвна, обломки повозок и всего того, что двигалось в ту минуту через реку.

Глава вторая. Бой у болота

Отяпов встал на колени, соскоблил грязь с лица. Глаза видели, но плохо. Оранжевая пелена мешала

1. Дегтярёва пехотный — ручной пулёмёт, которым были вооружены стрелковые части Красной армии. Основной пулёмёт нашей пехоты в годы Великой Отечественной войны.

разглядеть всё, что происходило вокруг. Рядом карабкался ефрейтор Курносов. Похоже, он был жив. Пулемётчик, тоже живой, лежал рядом и смотрел на Отяпов с надеждой. По щекам его текли слёзы. Совсем молоденький, лет, может, восемнадцати. Отяпов разглядел его ещё на марше: уши из-под пилотки торчком, пилотка дюдей, шинель — как на горбатом. Явно из последнего пополнения.

— Не брошу я тебя, не брошу, сынок. Как-нибудь поволоку.

Он встал и начал поднимать пулемётчика. Тот, как мог, помогал ему, карабкался на спину, хватался за скользкую мокрую шинель. Отяпов уже знал, что не бросит пулемётчика, что бы ни случилось.

Лес был рядом. Туда сломя голову бежали те, кому удалось перебраться на другой берег.

Левее послышалась стрельба. Отяпов прислушался и сразу всё понял: вот те на, твою-капитана, называется, ушли, вырвались...

По краю болота бежали немцы. Они старались держать цепь, время от времени останавливались, некоторые припадали на колено и торопливо стреляли из винтовок. Ключки пламени взблескивали по всей цепи. Стреляли они то куда-то правее, то прямо в них. Но ни одна пуля ни в кого поблизости не попала.

Вот тебе и вышли из окружения...

Пули вжикали над головой, рвали землю под ногами. Никто из бегущих к лесу на огонь немцев не отвечал. Эх, некому подать команду, лихо-радожно соображал Отяпов. Да и винтовки у него нет. Только горсть патронов в подсумке.

— Стой! — закричал Отяпов, уже не понимая, что делает. — Ложись! Приготовить оружие!

Несколько бойцов упали рядом. Захрустели затворы. Мелькнула, как девка во сне, надежда. — Огонь!

Раздался нестройный залп, потом другой.

— Эх, мать вашу германскую разэтак!.. — весело матерился Отяпов.

Он и сам стрелял из винтовки, неизвестно как оказавшейся в его руках. Рядом лежал ефрейтор-связист и тоже вёл огонь по краю болота, где залегла немецкая цепь.

И тут из леса стали выскакивать серые шинели с длинными копьями винтовок наперевес.

— Наши!

Возле болота началась рукопашная. Но Отяпову и его товарищам было не до неё. Куда им в это месиво лезть? И не разобрать, где свои, где чужие. Можно и под свои штыки попасть.

Откуда-то взялась повозка с Лидкой. Лидка напуганная, в глубоко надвинутой пилотке. Лицо изгваздано грязью и кровью. В повозке по-прежнему лежал, болтался на ухабах пьяный комбат, бился головой о грядку.

— Постой, Лидушка! Сил моих боле нет! — и Отяпов сгрузил в повозку, прямо на комбата, свою ношу. — Вези, доченька. С Богом.

И они, всем своим случайно сбившимся в кучу подразделением, навалились на грядки, чтобы поскорее вытолкнуть повозку из поймы на горку, в лес.

В лесу комбат пришёл в себя и начал выбираться из повозки. Его мутило.

— Эх ты, шваль подколёсная, — вслух думал о нём Отяпов. — Сколько нынче хорошего народу побило, а тебе хоть бы что... Вон сколько харчей перепортил. А тут маковой росинки во рту не было уже сутки.

Надо было отвернуться, чтобы не смотреть на позор своего командира. И он отвернулся. Это он сейчас такой, подумал Отяпов, а завтра протрезвеет, осмелеет и опять ими командовать кинется, орлом заходит...

Из поймы в сторону болота, куда отошли немцы, бежали бойцы. Тащили пулемёты. Ездовые гнали повозки, нагруженные миномётными трубами и ящиками с боеприпасами. Командовал отрядом худощавый капитан, тот самый, который торопил их на рассвете перед переправой. На плече он держал чёрный трофейный автомат. Теперь в автомате торчал длинный рожок. Капитан подошёл к ним, заглянул в повозку.

— Капитан Титков? — взглянул на Лидку, которая ни жива ни мертва сидела, поджав ноги, на грядке. — Что с ним? Пьян?

И Лидка, и Отяпов, и бойцы, оказавшиеся рядом, молчали. Словно позор капитана Титкова, будто из отхожего ведра, выброшенного к ногам, обгадил и их.

— А ну-ка, ребята, ставь его к сосне! — капитан резко опустил автомат и оттянул затвор. — Ставь, ставь! Согласно приказу номер двести семьдесят... Как там приказывал товарищ Сталин? — и капитан пронзил холодным блеском остановившихся глаз Отяпова. — А товарищ Сталин приказывал: если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. А потому товарищ Сталин очень правильно приказал: трусов и дезертиров...

Но не успел он договорить, как несколько мин с металлическим хряском обрушились на дорогу и полянку, где накапливались выходящие из поймы бойцы и повозки.

Отяпов и бойцы попадали кто где стоял. А когда подняли головы, ни капитана, ни его подчинённых ни возле повозки, ни поблизости нигде не увидели. Только голос его, хриловатый, с тугой металлической окалиной, рокотал где-то внизу, в стороне переправы.

Все в лес, подальше от этой проклятой реки, подумал Отяпов, а этот назад пошёл и людей своих повёл. Вот кому сам чёрт не брат. Вот это капитан. С таким и умереть не страшно. Нет,

братцы, не всё ещё пропало, засмеялся он через силу, есть и в нашем войске смелые и гожие для хорошей войны люди.

Они затащили на повозку своего комбата. Исполнять приговор капитана не стали. Кто стрелять в своего комбата будет? Лидка протёрла клочком соломы, выдернутой из подстилки, его заблёванную шинель.

— Вези, Лидка,—махнул рукой Отяпов.—Что ж делать? За него ведь и такого с тебя спросят. Да парня не брось. Спасибо за перевязку. Даст Бог, выживет. Вези скорей. Выходишь—жених тебе будет. Смотри, какой парняга...

Возле дороги строили вышедших. Командовал лейтенант в кожаной куртке и ярко-рыжей, как на парад, новенькой портупее.

Отяпов с ефрейтором и другими, кто не отставал от них, тоже стали в строй. Хорошо, Курносов вынес его винтовку. Сейчас бы лейтенант этот, с рыжей портупеей, и ему тоже постучал бы в лоб наганом: «Где винтовку бросил, сучье отродье?! Бегом марш! И чтоб через десять минут доложил о полной боевой готовности!»—так он внушал тем, у кого при построении не оказалось в руках личного оружия.

Лейтенант ходил перед строем, как ворон, готовый клюнуть. Револьвер он держал в руке.

— Наша задача—не дать противнику захватить переправу! Оттеснить в болото... Сейчас подвезут боеприпасы. По банке консервов на брата и по три сухаря. Патронов можно брать до двух боекомплектов.

— Ну вот, Отяпов, эти хоть покормят,—толкнул его ефрейтор Курносов.

Отяпов с облегчением вздохнул. Интересно, какие консервы, мясные или рыбные? Любые хороши. Лучше бы, конечно, мясные...

Лейтенант скомандовал «вольню». У кого имелась махорка, сразу закурили. Ждали обещанные консервы и сухари. Продукты действительно вскоре привезли на широкой армейской повозке. Лейтенант принялся делить пайки. А старшина, управлявший повозкой, открыл ящики с патронами и, улыбаясь щербатым ртом, сказал:

— Ну, налетай, кому пряного посола не хватило!

«Пряного посола» хватило всем. Скумбрия в масле—тоже вещь хорошая. Усвязиста Курносова откуда-то взялся немецкий штык-нож. Он тут же ловко, одну и другую, крутанул им крышки консервных банок. Облизал плоское лезвие, сунул его, чистое, за голенище.

Отяпов ловил пальцем скользкие рыбные кусочки, с тоской наблюдая, как быстро пустеет банка. Вскоре в серебристой посудинке остался только запах. Но и пустую её выбросить было жалко. И только когда Курносов поднёс каску, наполненную блестящими патронами, он бросил банку в кусты и расстегнул крайний подсумок. Патроны

были уже в обоймах. Снаряжённые. Это хорошо. Меньше возиться с обоймами.

Рассовав боекомплект по подсумкам и карманам, Отяпов осмелел и подошёл к старшине.

— Тебе чего, папаша?—спросил старшина.

— Да вот...—и Отяпов указал на свой негожий ботинок, скрученный телефонным проводом.—Обужи сменной на вашем складе, случаем, не имеется?

— Имеется,—живо согласился старшина и указал за сосны, где были сложены в ряд убитые во время миномётного обстрела.—Любого размера и фасона. Можно даже подобрать трофейные—с железными подковками. Из самой Германии, биёмать...

Эх, в рыло бы тебе, складская душа, подумал Отяпов, глядя на съеденные то ли махоркой, то ли чифирём редкие зубы старшины.

Вскоре начали строиться. И тут прибежал боец, которого лейтенант прогнал за винтовкой. Ему тоже выдали паёк и патроны.

— Ну что, Гусёк, нашёл свою судьбу?—окликнул бойца лейтенант.

Он всё ещё держал наган в руке, словно и вправду поджидал посланных за брошенными винтовками.

— Нашёл, товарищ лейтенант. Там, возле моста, уронил... Обстрел начался, ну я и...

— Молодец! Даже если винтовка не твоя. Становись в строй!

Интересно, Гусёк—это фамилия или прозвище? Отяпов разглядывал бойца. Невысокий ростом, длинная, не по росту, шинель. Такие урезают на ладонь—на фитили для коптилок.

Пошли. Гусёк всё время держался возле Отяпова и ефрейтора. Связист помог ему откупорить банку с рыбными консервами. Гусёк буквально проглотил её содержимое. Масло текло по щекам, по дрожащим губам, и тот облизывал их и улыбался счастливой улыбкой. Как-никак, а всё же поел перед смертью.

— Расстрелял бы,—кивнул Гусёк на лейтенанта, который шёл впереди с наганом в руке.—Если бы винтовку не нашёл, как пить дать расстрелял. Ротный не шутит. Он у нас такой...

— И правильно бы сделал,—не глядяваясь на бойца, угрюмо сказал боец, шедший впереди; лицо его, небритое, бледное, не выражало ничего, кроме крайней усталости.

— Да я ж нашёл! Вот она!—радостно оправдывался Гусёк и тряс в руках винтовку.—За что ж меня расстреливать?

Да, подумал Отяпов, ротный тут—личность свирепая. Где теперь его рота? Где старший лейтенант Безлесов? Почему он с чужим ротным идёт куда-то? А куда идёт? Видать, в бой. Немцы рядом. Их только отогнали к болоту. Там они. Там. В любой момент могут появиться.

Переправа снова заработала. Это было ясно по тому, как серый поток снова выплеснулся из поймы и несколькими дорогами, должно быть, только что и пробитыми, стал торопливо втягиваться в лес на восточном берегу Рессеты.

А куда вёл их этот самоуверенный лейтенант в кожаной куртке? Надо было уходить в лес с Лидкой и комбатом. Сейчас бы, может, уже возле кухни стояли, кашу бы из котелков дёргали. Отяпов с неприязнью вспомнил о комбате. И почему таким сволочам всё время везёт? Вот и капитан его не расстрелял. И на мосту под снаряды не попал. И немцев вовремя от переправы отбили. И сейчас, видимо, благополучно едет в тыл на мягком сене под присмотром этой дуры Лидки. Бабы — они такие... Без разбору мужиков жалеют.

Впереди слышалась стрельба. Тарахтел «максим», делая небольшие паузы. Очереди длинные, такие делает неопытный пулемётчик. Или противника не видит, да и лупит наобум лазаря, чтобы только командир не бранился, что не ведёт огонь по противнику. Или, наоборот, противник весь, вот он, перед фронтом.

Из-за деревьев им навстречу выбежал ещё один лейтенант.

— Вот, кого смог набрать... Шестьдесят два человека при двух пулемётах, — лейтенант в кожаной куртке махнул наганом, и Отяпову показалось, что он посмотрел на него. — Все с оружием. Даже Гусёк. Третью винтовку за сутки бросает. Пристрелить — патрона жалко.

И лейтенант засмеялся. Смеялся лейтенант вроде и не зло, но кто его знает, чужого командира?

Гуська трясло. Он водил по прицелу грязной протиркой, продувал намушник и украдкой поглядывал на лейтенантов.

— Сидят, не рыпаются? — спросил тот, которого Гусёк называл ротным.

— Пока сидят. Но, думаю, скоро полезут.

Второй лейтенант был помоложе. И одет попроще, в стёганую телогрейку и будёновку. В руке ппш.

— Без поддержки миномётов или артиллерии не полезут. Ждут усиления.

— Сколько их там, неизвестно. Думаю, не меньше роты. Пленного взяли. Ребята из второго звзда поймали возле болота. Показал, что из полка «Великая Германия», что полк только что переброшен с северного участка фронта, с Варшавского шоссе. — «Великая Германия»... Всё у них великое... — Хорошо, что погода нелётная.

— Да. Туман. Хоть что-то... Всерьёз за нас взялись. «Великая Германия». Сидят в болоте и не рыпаются. Побольше бы людей да пару миномётов — и заставили бы эту «Великую Германию» здешнее болото ноздрями выхлёбывать...

Немного погодя лейтенанты разошлись. Лейтенант в кожаной куртке ушёл на левый фланг.

Другой, сбив на затылок будёновку, оглянулся на них:

— Приготовиться к атаке. Штыки!..

Какие там штыки... Штыки давно уже побросали — лишний груз. Но Гусёк свой не бросил, прилаживал к стволу. Руки у него дрожали, и штык никак не защёлкивался. В конце концов он его бросил на землю и отшвырнул ногой в сторону. — Дай-ка сюда, — и Отяпов ловко, одним движением, насадил штык на ствол Гуськовой винтовки. — На, воюй по уставу.

— Пошли, — негромко и не по уставу сказал лейтенант, встал и, не пригибаясь, в полный рост пошёл вперёд.

Отяпов немного повременил, словно дожидаясь, когда немецкий пулемёт срежет храброго лейтенанта. Но тот вошёл в просвет между деревьями, оглянулся, сбросил с плеча ппш. И Отяпова будто сорванная с пазов пружина выбросила из-за сосны и понесла вперёд, к болоту.

Такого командира бросать нельзя, к такому надо держаться поближе. Это Отяпов хорошо усвоил по предыдущим боям.

Болото заплыло туманом. Виднелись лишь сухие шесты ольх, будто воткнутые в снег.

Немцы почему-то молчали.

Лейтенант вначале шёл, а потом, поняв, что бойцы поднялись, побежал вперёд. Он бежал быстро, как мальчишка, которого невозможно догнать. Куда ж ты, лихой, навстречу своей смерти так спешишь, хотелось окликнуть лейтенанта Отяпову. Сержант едва поспевал за ним.

И тут произошло то, о чём потом вспоминали выжившие и помнили всю войну, потому что такое, даже на передовой, случается крайне редко.

В тумане начали проступать какие-то столбики. Послышался смутный шум, похожий на движение многих людей.

Вот они, понял вдруг Отяпов и, испугавшись, что бежавшие рядом Курносов и Гусёк могут не выдержать и попытаться залечь или как-нибудь по-другому уклониться от неминуемой встречи, крикнул первое, что пришло в голову:

— Держи строй, ребята!

Немцы шли навстречу — ровной цепью с поразительно одинаковыми интервалами. Ни выстрела, ни крика команд. Они уже всё решили, как разделиться с их отрядом и двумя храбрыми лейтенантами.

Вначале всё делалось молча. Потом разом зарычали, завывали на левом фланге. Там, в тумане, видать, схватились те, кого вёл лейтенант в кожаной куртке. А уже через мгновение вихрем захватило и остальных.

Туман в один миг будто рассеялся. И они увидели, что ровные столбики, вышедшие из болота, движутся на них полукольцом, охватывая с флангов. А значит, их больше, с ужасом понял

Отяпов, если решили окружать. Но теперь надо было думать уже о другом. А лучше вообще ни о чём не думать, чтобы не мешать ни себе, ни своим товарищам.

В какой-то миг Отяпов успел увидеть, как Гусёк обогнал его и, держа винтовку со штыком на вытянутых руках, чтобы она была длиннее, кинулся в расступившийся туман, но тут же упал, то ли споткнувшись, то ли сбитый с ног пулей или ударом немецкого приклада. И это его спасло от другого приклада, который немного запоздал и только чиркнул металлической накладкой по каске Гуська.

Отяпов боялся потерять винтовку. Он уже не думал ни о лейтенантах, ни о своих боевых товарищах Курносове и Гуське — винтовка стала его и командиром, и напарником. Он перехватил её одной рукой поперёк цевья, другой за шейку приклада и расчищал перед собой пространство, круша всё, что выступало из тумана и преграждало ему путь к переправе, к разбитому мосту, к лейтенанту, потерявшемуся в этой мутной смеси тумана и ужаса.

Рукопашная закончилась так же неожиданно, как и началась. Отяпов застал себя стоящим на коленях. Перед ним лежало тело человека, которого, должно быть, он сбил с ног минутой назад. Одето оно было в тёмно-зелёную шинель с погонами. Рядом лежала винтовка с примкнутым широким белым штыком, похожим на нож.

— Живой? — кто-то знакомый наклонился к нему, заглянул в лицо, нелепо улыбнулся.

— Ну что ты головой трясёшь? Как конь перед бороздой... — сказал другой.

Кому это говорили? Неужто ему, Отяпову? Он потрогал свою голову. Ничего, голова была в каске, каска целая, значит, и голова тоже.

— Пошли, пошли...

А голоса хоть и знакомые, а доносятся будто издали.

Вот и лейтенант. Тот, первый, злой, в кожаной куртке. Теперь у него в руке немецкий автомат. Смеётся. Довольный. Видать, повезло ему, по шее не попало. А где другой, молодой, с ппш?

Под сосной складывали убитых. Знакомых среди них никого нет. Как нет? Вот лежит, голова разбита, затылок словно косой срезан. Вот он, твой лейтенант, сержант Отяпов. Тот, кто тебя в бой повёл. Кто первый в свалку кинулся. Кого ты искал в тумане, чтобы рядом с ним быть. И будёновки на нём уже нет. Видать, потерял свою командирскую шапку...

Болела спина. Болело плечо. Болела левая рука. — На вот, переобуйся. Далеко ли ты разутый уйдёшь? — опять этот голос.

Голос хороший, сердечный. А рассмотреть лицо человека, который так заботливо разговаривал с ним, Отяпов не мог. Перед глазами плавал разноцветный туман. Как будто бабочки с диковинными

крыльшками порхали в жаркий июльский полдень над сырой лесной дорогой. Такие дороги он любил: едешь на телеге вдоль оврага, сено с лесного покоса везёшь, а они кругом летают, на холодную от пота рубаху садятся, на руки, цепкими лапками кожу щекочут...

Он сел и начал переобуваться. Новая обувь пришлась ему впору.

— Твой трофей. Заслуженный. Носи.

Голос он узнал. С ним разговаривал Курносов.

— А где моя винтовка? — спросил он Курносова.

— Винтовка тут, — ответил Курносов. — Гусёк несёт.

— Живой? — обрадовался он, что жив этот мальчишка, который, как ему казалось, никак не мог выжить в том аду, который они только что пережили.

— Живой! Герой, брат, наш Гусёк! Немца заколол!

— Неужто?

— Твоего перехватил. Лежать бы сейчас тебе, Нил Власыч, под сосёнкой, если бы не Гусёк, — хвалил Курносов мальчишку.

— Вот тебе и мальчишка, — вслух подумал Отяпов. — Спасибо тебе, Гусёк.

Гусёк не ответил. Молча шёл рядом. Отяпов видел его тень.

— Не слышит. Спит, — пояснил Курносов. — Пускай поспит, пока не споткнётся. А споткаться ему не привыкать, — и Курносов устало засмеялся.

Глава третья. К Туле

Уже стемнело. Накрапывал дождь. Вышли из леса. С просёлка свернули на пашню и пошли пашней. Потом пашня кончилась, под ногами загрела стерня. Не успели запахнуть, подумал Отяпов и потянул ноздрями воздух, пытаясь по запаху определить, что тут было сжато, овёс или рожь. Пространство пахло сырой шинелью да ружейной смазкой. Но хлебным духом откуда-то всё же веяло, и народ заметно заволновался. Хотелось есть. Отяпов по себе знал, что у голодного человека, как и у зверя, обоняние обостряется.

Зашли в деревню. Прислушались. Вроде тихо. На другом конце, за оврагом, гудели голоса.

— Немцы, что ль? — и боец, который прибрлудил к ним в пути, сдвинул каску набок, освободил ухо, прислушался.

Голоса затихли.

— Тебе, Тульский, теперь везде немцы будут мерещиться, — засмеялся Курносов.

— Будут, точно, — согласился Тульский.

На самом деле у бойца были другие фамилия, имя и отчество. Но когда он вышел на них в лесу и рассказал о себе, всем запомнилось главное: что он — тульский. А они шли к Туле. Какая такая надежда появилась у них с приходом в отряд Тульского, никто не мог понять определённо, но каждый из них в себе надежду эту чувствовал. Чувствовал и таил, и она согревала.

— Уснёшь — штыком заколю. Так и знай.

Хозяйка принесла бутылку самогонки. Выпили. А потом смели всё со стола одним махом. Подчистую. И залегли. Отяпов, засыпая, слышал, как молодка шепталась с Тульским, как, вздохнув, повела его в хату... Эх, молодёжь...

Разбудил его Тульский. Он к утру заступил на пост, обошёл окрестность и всё разглядел. Сказал: — Посмотри.

Только-только начало светать. Заря в октябре поздняя. Но такая же румяная, как в августе.

Отвёл шторку, а там картина: напротив, за ручьём, немцы из хаты выходят, вдоль дороги строятся в две шеренги. С полсотни. Два ручных пулемёта, ротный миномёт. Два бронетранспортёра на полугусеничном ходу, тоже с пулемётами — на турелях. Целое войско.

— Когда ж они пришли? — спросил Отяпов и посмотрел на свою винтовку, несколько дней нечищенную и порыжевшую в некоторых местах от его бесхозяйственности.

— Хрен их знает. Варя сказала, что вечером их не было.

Варя... Вот тебе и Варя...

— Проспали, чётковы дети...

Немцы между тем построились, провели переключку, погрузились на бронетранспортёры и поехали по дороге навстречу встающему солнцу. Именно там была Тула.

Отяпов поднял людей чуть позже, когда немцев и след простыл. Раньше поостерёгся — зашумят, поднимут гвалт со страха, и тогда пропали они. Против пулемётов...

Больше в деревнях не останавливаемся, твёрдо решил он для себя, когда шли уже лесом, вдоль дороги, на которой за березняком рокотал транспорт чужой армии. Транспорт двигался в том же направлении, что и они. Вся война в те дни двигалась к Туле.

Глава четвёртая. Тула

На шестой день, оголодавшие и измученные скитаниями по лесам и болотам, они вышли на большак, по которому, на их счастье, двигался на восток санитарный обоз одной из дивизий 50-й армии.

Обозом командовала женщина с петлицами капитана медицинской службы.

Отяпов доложил о прибытии. Она некоторое время устало смотрело на них. Потом спросила: — Раненые есть?

— Нет.

— Больные?

— Все здоровые, товарищ капитан. Только сильно голодные и от усталости с ног валяются.

— Потерпите немного, — сказала она. — Скоро места на повозках освободятся.

Отяпов уже знал, что означали свободные места на санитарных повозках.

И действительно, не прошли и километра — санитары сняли троих умерших. Тут же, при дороге, закопали. Неглубоко. Разгребли снег, листья, заглубились в талый грунт на два штыка, и — готовы могилы. Отяпов помогал санитарам. Не потому, что имел какую-то корысть, а просто так, по привычке что-то делать вместе со всеми. Чтобы не так душа ныла, думать не мешала. А думать ему теперь надо было за весь его отряд. Командир не командир, но что-то вроде старшего. Как-никак всё же сержант.

Для него место на повозке освободилось перед самой Тулой. Закапывая умершего бойца с петлицами артиллериста, он подумал, что уже и сам бы дошёл, своими ногами.

Возле шоссе зенитчики окапывали свои длинноствольные орудия.

— Такие, должно быть, любой танк насквозь прошивают, — сказал раненый, сидевший впереди. — А нас бросили с одними бутылками. Докинь до него бутылку, когда он все окопы перед собой из пулемёта простреливает...

— Так надо подпускать. Поближе, — зашевелился и другой раненый, у которого была плотно забинтована голова и только для рта и носа были сделаны узкие продухи.

— Поближе, — огрызнулся сидевший впереди. — Ты вон подпустил...

— Я подпустил.

— И где твоё отделение?

Забинтованная голова ничего не ответила, только вздохнула.

Вечером они, все двенадцать душ, сидели за просторным столом в доме на Кузнецкой слободе в Заречье и, не веря своим глазам, ели наваристые щи с гусятиной.

До того Отяпову понравились эти тульские щи, что он про себя решил: вот вернусь с войны — обязательно гусей заведу. Если, конечно, живой останусь...

После еды завалились спать.

Но спали недолго. Прибежал сосед, четырнадцатилетний Гришка, который всё это время не отходил от Тульского, растолкал его и сказал, что комендантский патруль собирает окруженцев по всему городу. Патрули с винтовками заходят во все дома. Сгоняют куда-то к стадиону.

— Двоих расстреляли. Я сам видел. Патруль расстреливал. Вывели и шлёпнули. Видать, шпионы. Или дезертиры, — Гришка на одном дыхании выложил свою новость и внимательно смотрел на Тульского.

Отяпов сел и начал обуваться. Сапоги у него теперь были хорошие. В таких ещё можно не один десяток километров отмахать. Хоть по грязи, хоть по снегу. Но, видать, идти далеко теперь не придётся. Зашевелились и другие.

Новость не радовала.

Начали обсуждать своё положение. А положение было не ахти каким весёлым.

— Пришли к своим, дрит-твою...

— А куда ж нам было идти?— оправдывал сам себя сержант Отяпов.

В город они прошли мимо постов. Вёл их Тульский. Свернули с шоссе ещё возле окопанных зениток и дальше—огородами. И вот теперь сидели и решали, что делать дальше. Кто-то предложил пойти в комендатуру или выйти и доложить о прибытии первому встречному патрулю.

— Ну-ну,—хмыкнул Ванников, всё видевший в чёрном цвете.— Далеко вас патрули не поведут. К ближайшей кирпичной стенке...

Выход неожиданно предложил Гришка:

— Вам надо идти к Рогожинскому посёлку. Там наши оборону строят. Заводские. И отец мой там, и братья. Я вас проведу.

— Мы не ополченцы,—робко возразил Гусёк.— Нам надо искать свою часть.

— Где она теперь, своя часть?..—наконец сказал Отяпов.

Все замолчали. Отяпов стал для этих людей не только командиром, но и тем человеком, который может спасти, вытащить из смертной прорвы. А она теперь, та прорва, везде—справа и слева, спереди и сзади. Хуже, чем перед болотом на переправе. Рассуждать можно всяко, но решение принимать должен самый мудрый и опытный.

— Надо идти к ополченцам. Там теперь передовая.

— Опять к чёрту в пасть!

— Оборвались, обносились...— зароптали бойцы.

Отяпов поднял руку. Ропот сразу стих.

— Мы тут из разных частей. Кто будет разбираться, чьи мы и с чем пришли сюда? Немец всё время шёл за нами следом. А значит, не сегодня-завтра он будет здесь. Искать свои полки будет потом. Собирайтесь, ребятушки. Давайте почистим оружие и пойдём на позиции. А с таким ржавым железом мы не бойцы.

— Там, видать, тоже особый отдел есть,—сказал Ванников.

— Будем молить Бога, чтобы нам там поверили.

И Отяпов расстелил перед собой плащ-палатку, вынул из вещмешка маслёнку и протирку, выщелкнул из винтовки затвор, вытащил шомпол. Всё это разложил перед собой на плащ-палатке. Поплевал на руки.

Его примеру тут же последовали все, у кого было оружие.

Спустя несколько часов они стояли ровной шеренгой перед командиром роты тульских ополченцев. Тот выслушал доклад Отяпова, внимательно осмотрел новоприбывших, их оружие. Потом достал из полевой сумки блокнот и начал переписывать фамилии и номера частей. Переписав всех, сказал:

— Вот что, товарищи бойцы регулярной Красной армии, я должен доложить о вашем прибытии

и желании воевать вместе с нами командиру полка. А пока на довольствие вас поставить не могу.

Оружие у них забрали. Сложили возле блиндажа командира роты.

— И куда ты нас привёл?—покачал головой Ванников.

Лицо его было бледным, руки дрожали.

Ночь они переночевали в одном из домов, куда их отвёл ополченец, вооружённый французской винтовкой времён Первой мировой войны.

— Где ты её отрыл?—Ванников кивнул на диковинное оружие, оснащённое длинным штыком, похожим на шпагу.

— Что бы ты понимал,—ответил ополченец.— Она бьёт на два с половиной километра.

— Да ну!—покачал головой ополченец.— Хорошая фузея.

Проснулись в полночь. Разбудил их всё тот же ополченец с винтовкой Лебеля.

— Ротный вызывает,—коротко сказал он.

Ещё не рассвело как следует, когда со стороны шоссе, которое узкой сырой полосой угадывалось левее возле леса, прибежала разведка. Туман понемногу начал рассеиваться. Видимость становилась лучше. В окопах сразу началось оживление, брустверы зашевелились. Народ забегал туда-сюда. Ротный куда-то пропал. Потом появился с другой стороны. Увидел их и, видимо, вспомнив, что и с ними надо что-то делать, сказал:

— Разбирайте винтовки. Кто у вас старший?

— Я. Сержант Отяпов,—и Отяпов неуклюже махнул у обреза каски опухшей от холода ладонью.

— Приказываю вам, сержант, со своими людьми занять вон то крыло,—он указал в туман.— Окопы там отрыты. Будете прикрывать зенитный расчёт со стороны леса. А сейчас получите патроны и по буханке хлеба. Другого пайка на вас не предусмотрено. Огонь открывать по моему приказу. Дальше действовать по обстоятельствам. Ваша задача, повторяю, не пропустить немецкую пехоту к орудиям со стороны леса.

Патронов им дали много. Сколько смогли взять, столько и нагребли в карманы и под сумки. Выдали по бутылке квасу и три противотанковых гранаты. Гранаты, как и хлеб, надо было поделить. Одну Отяпов взял себе, другую поручил Тульскому, а третью—Курносову.

Когда разобрали винтовки и получили патроны, повеселел и Ванников. Он поглядывал на лес и полосу шоссе, черневшую на фоне заснеженного поля, и говорил самому себе:

— Сейчас мы им... Или грудь в крестах, или голова в кустах. Надоело уже бегать.

Потом, глядя, как ловко, снаряжая обоймы, управляет с патронами Тульский, сказал:

— Смотри, Тула, гранату не потеряй.

Тульский в ответ засмеялся:

— Не потеряю, Калуга. А ты, я вижу, вроде как малость отжился. Как воробей с мороза...

Ванников в ответ только усмехнулся.

Они заняли пустые окопы рядом с запасными позициями зенитчиков и начали готовиться.

Ефрейтор Курносов поглядывал на небо, крутил головой, будто принюхивался. Наконец сказал:

— Погода хорошая. Постояла бы такая подольше.

— Это так, — согласился Отяпов, — низкая облачность, туман — самолёты не полетят.

— Так и наши не полетят, — отозвался Гусёк.

— А где ты видел наши самолёты? — тут же вмешался в разговор Ванников. — Разве что сбитые.

Ни Гусёк, ни связист больше не промолвили ни слова. А Отяпов молча решил, что погода и вправду хорошая. Иначе бы или «рама», или «костыль» уже кружили бы над их позициями.

Зенитка стояла немного поодаль, ближе к домам. С длинным, опущенным вдоль земли хоботом она походила на хищного зверя, готового клюнуть любого, кто вылезет к ним из тумана.

Разведка принесла вест: по Орловскому шоссе движутся колонна бронетехники и крытые грузовики с пехотой.

Немного погоды из леса, наполовину скрытого туманом, вылетела, будто перепуганная птица, сигнальная ракета. Она косо прочертила серое небо над чёрной стеной неподвижного леса и исчезла, сторев и оставив едва заметный чёрный след.

— Идут.

Отяпов оглянулся на своих бойцов: Курносов, Гусёк, Тульский, Ванников, дальше двое из отдельного разведбата, прибившиеся к ним перед самой Тулой. С другой стороны замерли остальные, кого он знал и кому доверял, потому что слабые ушли по пути сюда. Куда они делись, гадать теперь было трудно, да и некогда. Может, в плен, может, по домам. Отяпов знал: такие настроения — по домам — тоже одолевали бойцов, оставшихся без командирского пригляда.

— Ну что ты, Гусёк, дрожишь, как целочка перед первым разом? — Ванников нервно мял в зубах докуренное до последней степени колечко самокрутки. — Ты уже умирал. Ты не должен бояться. — А я и не боюсь, — ответил Гусёк.

Лицо его было серым. Но решительным. В нём, в Гуське, сейчас что-то происходило. Что-то новое, чего он сам ещё не понимал.

Отяпов посмотрел на него и отвернулся. Надо было сказать людям перед боем какие-то нужные слова. Командир должен что-то сказать своим бойцам перед боем.

— Ребята! — крикнул он. — Что бы ни случилось, держаться своей позиции! И друг друга! Раненых не бросать!

Это бы его первый боевой приказ. Он вдруг почувствовал, что руки его согрелись и что спина вспотела так, как будто где-то рядом топилась печь.

В лесу уже слышалась стрельба. Захлопали частым залповым боем мосинские винтовки. Потом полыхнул немецкий пулемёт. Отяпов его сразу узнал. Снова зачастили винтовки. Разведка, понял Отяпов, или боевое охранение — мотоциклисты. Наскочили на охранение ополченцев.

Так оно и случилось. Через несколько минут в поле замелькали фигурки бегущих со стороны леса. Они быстро пересекли обмысок белого поля и исчезли в противотанковом рву.

— Охранение отходит.

— Неужто танками пойдёт?

— На телегах поедет... — хмыкнул Ванников.

В стороне шоссе зарокотало, сперва одиноко, с перерывами, потом стало сливаться в единый вибрирующий гул. Казалось, проснулся лес и начал жить какой-то своей неведомой и зловещей жизнью, враждебной и городу, и им, притаившимся в своих окопах, и сейчас он стронется и поползёт на них всей своей несметной силой.

Туман всё ещё держался понизу, и Отяпов подумал, что он им поможет. Как-никак, а танкистам, да ещё в незнакомой местности, ориентироваться и вести огонь будет куда сложнее, чем нашим артиллеристам.

Отяпов оглянулся на позицию зенитчиков. Расчёт уже замер у орудия, изготовившись к стрельбе прямой наводкой.

Глава пятая. Бой на окраине Тулы

Гул разрастался, захватывал всё пространство перед ополченцами, артиллеристами и бойцами группы Отяпова, проникал через шинельное сукно и холодил тело. Печка сразу перестала топиться...

Отяпов знал, что многих сейчас трясёт. Его тоже начало знобить и выкручивать суставы. Самое худшее в бою — ждать начала. Поскорей бы...

Танки сошли с шоссе и развернулись для атаки. Пехота машин не покидала. Грузовики замедлили ход и растянулись по дороге. Иногда их скрывал косяк тумана, но потом пространство снова очищалось, распахивалось в глубину, и в окопах становилось жутко: до чего ж большая сила пёрла на них.

Вскоре танки начали маневрировать. Они выстраивались группами. Первая, семь стальных угловатых коробок, пошла вперёд, вдоль шоссе. Три отвернули к домам, остальные шли прямо.

Ну и выдержка у этих ребят, подумал Отяпов и оглянулся на позицию зенитчиков. И в это время бахнуло, и над окопами боевого охранения пронеслась, упруго шурша, струя раскалённого воздуха. Второе орудие тоже произвело выстрел.

— Мимо.

— Артиллеристы, в гроб их душу...

— Наплачешься с такими стрелками. Кровавыми слезами наплачешься...

Стало совсем страшно. Неужто, подумал Отяпов, зенитчики стрелять не умеют? Может, и не умеют. По наземным-то целям — совсем другая стрельба, и они ей, по всей вероятности, просто не обучены.

Танки, не сбавляя скорости, продолжали двигаться в первоначальном направлении. Они сразу открыли огонь. Из коротких хоботов их пушек часто вспыхивало пламя. Но стреляли они не прицельно, и ни одного снаряда ни на позиции зенитчиков, ни в окопы пехоты не попало.

— На арапа берут, — сказал кто-то из бойцов.

Ещё один трассёр резанул над полем мутную хмарь и на этот раз ударил точно в башню переднего танка. И тотчас сильный взрыв встряхнул железную коробку, отделил башню от шасси, и столб багрового пламени встал вертикальной колонной и некоторое время стоял так, подпирая серое небо, тоже, казалось, готовое упасть и разрушиться. Вот это был выстрел!

В окопах одобрительно закричали.

— Готовсь! — скомандовал Отяпов, чувствуя, как азарт охватывает всё его разом помолодевшее тело.

Тем временем немецкая пехота начала выскакивать из грузовиков и взводными гусеницами рассыпаться по полю.

Заработали пулемёты. Сразу несколько «максимов» — то короткими, то длинными очередями. Патронов не жалели.

— Огонь! — закричал Отяпов и тут же нажал на спуск.

Первый выстрел он сделал так, больше для шума, не целясь, и пуля полетела куда попало. Бойцы припали небритыми щеками к ломам своих винтовок. По первой обойме расстреляли в один миг. Потом огонь поредел. Отяпов это знал: начали целиться, аккуратней стрелять.

Из других окопов тоже вели огонь. Дробно застучали автоматы. Где-то правее, из-за противотанкового рва, резко били бронебойки.

Чем ближе подходили танки, сопровождаемые пехотой, тем плотнее и яростнее становился огонь из окопов. Артиллеристы начали стрелять чаще и точнее.

Горели уже три танка. Один, с сорванной гусеницей, осел набок и зарывался в землю. По нему вели огонь бронебойщики. Добивали. Его развернуло бортом к позициям бронебойщиков. Экипаж машину не покидал. Пушка его начала отвечать. Чёрные кусты взрывов мгновенно выросли за противотанковым рвом. Но и танк задымил. Открылся боковой люк. Оттуда что-то выбросили наружу, потом ещё. Похоже, выбрасывали стреляные гильзы. Танк по-прежнему вёл частый огонь в сторону противотанкового рва. Потом из люка вывалился человек и скатился вниз.

До подбитого танка было метров двести. Отяпов дрожавшими от возбуженного азарта пальцами

передвинул хомутик на прицельной планке. Прицелился. Немец копошился возле танка. Похоже, он был ранен. Дым всё гуще тянул из открытого бокового люка. Но башенное орудие продолжало вести огонь. Наконец оно заглохло. Ещё один танкист вылез из люка. Вылезал он медленно, будто не верил, что его боевая машина уже горит. Отяпов выстрелил. Немец повис вниз головой. Отяпов знал точно, что попал именно он.

Бой шёл весь день. Танки отходили, перестраивались и снова атаковали. Пехота теперь передвигалась под прикрытием бронетранспортёров. С бронетранспортёров длинными очередями вели огонь пулемёты. Но ничего у них особо не получалось.

Двоих убитых уже оттащили в боковое ответвление и прикрыли сверху плащ-палаткой, на которой ещё недавно они чистили винтовки. Трое были ранены. Какое-то время раненые сидели на дне окопа без дела, но потом, так и не дождавшись санитаров, вернулись к своим стрелковым нишам и продолжили огонь. Санитары по-прежнему не появлялись. Отяпов понял, что никто к ним не придёт. Он приказал перевязывать друг друга самим. Раненых взялся перевязывать Гусёк. Получалось у него неплохо. А Отяпов подумал: Лидку бы сюда, она ловкая и бесстрашная, а главная, по медицинской части справляется не хуже, чем расчёт зенитки с танком.

После полудня затихло.

Пришёл посыльный от командира роты и сказал, чтобы составили донесение о потерях. Чуть погода вернулся:

— Выделите двоих человек для получения горячей каши.

Есть хотелось. Но ещё сильнее хотелось спать. Отяпову казалось, что они не спали несколько ночей.

С поля тянуло гарью. Подбитые и сгоревшие танки чернели вдоль противотанкового рва и возле дороги. Их было порядочно. Раза три Отяпов пытался сосчитать их. Но каждый раз сбивался. Не потому, что их там, в поле, было так много. Досчитывал до пяти, семи и начинал так волноваться, что в глазах рябило, набегала слеза, он сползал с бруствера и несколько минут смотрел на затоптанное дно окопа, на стреляные гильзы, на раздавленные их дульца, обмётанные пороховой гарью. В конце концов решил: надо готовиться к новому бою и людей готовить. А танки пускай считают те, кто их сжёг. Это их трофеи.

Глава шестая. Госпиталь

О том, что он ранен, Отяпов узнал через несколько часов после того, как его ослепила вспышка разорвавшейся на бруствере мины.

Ранение оказалось лёгким — мелкими осколками посеколо лицо и руки. Но контузия была

куда серьёзной. Вначале Отяпов ничего не слышал. Потом в ушах зашумело, и снова, как в окопе, пошла кровь. Она текла из ушей и из носа. Он подумал, что умирает, и попросил вынести его на свежий воздух, хотя бы в коридор. Но никто его никуда не понёс.

Сосед по койке сунул ему докуренную до половины самокрутку. Отяпов затянулся несколько раз и успокоился. Он ждал, когда придёт смерть, но она что-то тянула, не приходила. Её он не чувствовал даже вдали. Хитрит, гадюка, подумал он и прислушался. Шум в ушах менялся. Он то накатывал, то отступал. Наверное, так шумит море, подумал он, хотя на море никогда не был, не видел и не слышал его даже издали. Потом сквозь шум моря начал пробивать какой-то стук. Через некоторое время стук превратился в грохот. Уж его-то Отяпов узнал. Он напряг все силы своего ослабевшего тела, приподнялся и посмотрел на окно. Да, понял он, танки всё же прорвались, смяли их оборону на Одоевском шоссе и теперь приближались к госпиталю. Даже марлевые занавески, как ему показались, дрожали. Вот так. Не удержались ни зенитчики, ни его ребята, которых он собрал в лесах на Ресете и под Белёвом. Он машинально пошарил возле себя руками. Гранаты нигде не было. Да и руки слушались плохо. Где ж граната? Он же оставлял себе одну.

— Ну что ты всё воюешь? — услышал он тихий, спокойный голос человека, который совершенно не боялся гула приближающихся танков. — Всё воюет и воюет... Отвоевался теперь. Полежи спокойно. И другим дай полежать в тишине и покое.

Отяпов указал на окно.

— Ну что там такое? Синица прилетела. Долбит в окно. Видать, к ночи мороз ударит.

— Танки! — выдохнул Отяпов. — Они прорвались. Там мои ребята...

Человек засмеялся.

— Танки... Во попал ты под них, как ягнёнок под волка... Теперь век бластиться будут. Говорю тебе, синица в раму клюёт. Летних мух выбирает. К зиме дело...

— Танки...

Танки ни в тот день, ни в следующий, ни потом через позиции, которые удерживали они вместе с зенитчиками и тульскими ополченцами, не прошли. Когда унесли в тыл раненого и контуженого Отяпова, два танка проскочили левее, попав в мёртвое пространство, где артиллеристы их достать уже не могли. Они остановились и начали вести огонь по позициям зенитчиков.

Первую противотанковую гранату, выданную им на отделение, взял Тульский и пополз к ближайшему танку. Как он до него добрался, никто толком не видел. Думали, что он убит или ранен и лежит в поле, в бурьяне, заметённом снегом. Уже собирались ползти за ним, искать. Дымом заволокло всё

пространство перед окопом. И ориентировались они лишь по выстрелам танковых пушек и зенитки. То немец в дыму польхнёт, то наши ответят. И те, и другие, видать, мазали и продолжали свою изматывающую дуэль. Но вскоре там, где затаился танк, загрохотало и высоко вскинулось пламя.

— Дополз! — сказал радостно кто-то из бойцов. — Это наш его накрыл. Гранатой.

— Вот молодец, прятничная душа, — похвалил Тульского и Ванников.

Тульский сделал своё дело, и никому из них уже не надо было ползти туда, в смертное поле, со второй гранатой.

Немного погодя, когда второй танк, отстреливаясь, ушёл назад, к лесу, Ванников и Гусёк притащили раненого Тульского. Положили на солому на дно окопа.

— Не тормошите его, — сказал сержант Курносов. — Отходит.

Так, не приходя в сознание, Тульский и помер.

Через два дня со стороны города подошла смена: рота пехоты и батарея противотанковых орудий.

«Сорокапятки» разместили в разных местах, в глубину, уступом к шоссе. А бойцы охранения заняли окоп, где оборонялся отряд Отяпова, и начали окапываться дальше, углубляя ходы сообщения.

Рота была свежая, с лейтенантами. Бойцы одеты в белые полушубки. Уцелевшие смотрели на них как на ангелов, спустившихся с небес:

— Где ж таких только взяли?..

Отяпову жилось хорошо. Слава Богу, думал он, глядя в свежий потолок, видать, недавно покрашенный известью, хоть отдохну под крышей, в тепле, на чистой койке. Ни тебе стрельбы, ни осколков над головой, ни пуль, ни ветра, ни холода. Командиры не матерятся. Их тут просто нет. Говорят, их, командиров, лечат в другой палате. Вот и хорошо, от них тоже отдохнуть надобно — надоели. Врачи и медсёстры спокойные, обходительные. Сосед Отяпову тоже попался хороший. Отяпов давно, ещё когда брели лесами к Туле, заметил, что на людей ему на войне везёт. Народ и соседом в окоп, и на марше, и так, когда драпали по лесам, и на отдыхе ему попадался хороший, покладистый, не особенно хитрый — так чтобы на чужом горбу покататься, — уважительный и в бою стойкий. Не сказать чтобы уж очень храбрый, но надёжный, в беде не бросали. Героев на фронте он пока не встречал. Разве что зенитчики. Ловко пожгли танки. Хорошо стреляли. И держались, надо сказать, геройски. Порой совсем их снарядами засыпало, а глядишь, опять стреляют. Разве не герои? Да и те лейтенанты, которые у болота повели их в атаку, вспомнил Отяпов, тоже герои. Нет, подумал он, это и есть настоящие герои. Так что и героев он на войне повидал.

Соседа звали Кузьмой. Лежал он в госпитале уже порядочно, с середины октября. Обгорел в танке на Рессете, когда прорывались на Хвастовичи. Там, под селом Красным, у моста, его Т-26 подбил немецкий танк.

— Из засады стрелял, — рассказывал Кузьма; говорил он спокойным, тихим голосом, как будто о чём-то главном в своей нынешней жизни всё время сожалел. — Две болванки пролетели мимо. Первой германец промазал. Видать, заторопился. Увидел меня на дороге — вон какая цель хорошая на прямой наводке! — и сплеховал от нервов. Германец, что ж, тоже существо живое, нервное.

Отяпов полюбил Кузьму не только за его разговоры, которые, должно быть, и самого танкиста успокаивали и мирили с тем, что выпало ему на войне, но и за то, что тот приносил ему из курилки «сорок». Украдкой совал ему в руку колечко недокуренной самокрутки, и Отяпов жадно затягивался несколько раз. Сразу кружилась голова, и становилось легче и спокойно, как дома. Пережитое куда-то уносилось, таяло, как то болото в тумане, а ранение казалось пустяком, о котором и думать не следует.

Думалось только об одном — о доме.

Но что думать о доме? Дома сейчас немец. Хозяйничает в его деревне, на колхозных полях, в лесу, на речке. Всё теперь пошло под чужую власть. Ладно, ладно, погоди, вот поднимусь с койки на костыль, а там, может, и ровнее пойду...

Отяпова одолевала злая надежда на то, что он не совсем отвоевался, что вернётся ещё к своим товарищам, в окопы, что рано или поздно Красная армия соберёт силы и начнёт наступать. Ведь били же они их, проклятых, на Рессете. Эх, как лихо они тогда атаковали! Даже Гусёк героем ходил, немца повалил. Хороший бой был. Победный. Хотя ни в какие донесения и приказы он, конечно же, не попал. Не названы в том несуществующем приказе имена лейтенантов и других отличившихся бойцов. Гуська, например. Да и его, сержанта Отяпова.

Он вспомнил своего убитого немца и подумал: даже если калекой теперь останусь, я своё дело на войне сделал. Родину оборонил.

— Первый мимо пролетел. От второго я ушёл, в сторону машину бросил. Знал, что он упреждать будет. Так утку стреляют, с небольшим упреждением, чтобы сама на заряд налетела... А третий ударил прямо под башню. Загорелись. Башнёра — наповал. Колька Лучников, из Тамбова, хороший был парень. Гармонист. Так и сгорел вместе со своей гармоней.

Вот, кольнуло в самое сердце, Отяпова, а мы своих тамбовских над ямкой постреляли...

В какой-то момент слушать Кузьму становилось тягостно. Отяпов и сам навидался всей этой крови и грязи, и слушать чужую боль было невыносимо. Оставалось одно — терпеть. Иначе как? Товарища

надо было понимать — душа просила выхода. Вот он его, Отяпова, и выбрал в слушатели. И Отяпов терпеливо слушал всё подряд.

— Как ты думаешь, — спрашивал Кузьма, — какой мне теперь танк дадут? На «тридцатьчетвёрку» бы попасть. Вот это машина! Экипаж четыре человека. Угол наведения... Мотор — дизель, пятьсот лошадей... Наклонная броня...

— Ты и эту сожжёшь, — подал голос забинтованный с головы до пояса ополченец. — Технику любить надо. Беречь. Под огнём надо уметь маневрировать, а не лезть на рожон. Видел я, как вас возле Одоевского шоссе били. У них — одна пушка, а набила вас — всю дорогу запрудили...

Упехоты всегда претензии к танкистам, артиллеристам и лётчикам. А танкисты и пушкари всегда бранят пехоту. Эту историю Отяпов знал. С танками, да при поддержке артиллерии, отбиться от немцев было куда легче. Случалось, и контратаковали. Но танки могли прекратить атаку перед самыми немецкими окопами и вернуться назад. А артиллерия не всегда умела подавить огневые точки, и немецкие пулемёты оживали в самое неподходящее время, когда пехота высыпала в поле и не имела никакого укрытия. Другое дело — зенитчики. Эх, молодцы, ребята! Как они жгли немецкие танки!

Отяпов несколько раз спрашивал о них: живы ли? Может, кто тут лежит? На излечении? Никто ему ничего толком ответить не мог. Какие зенитчики? Какие герои? Нет тут никаких героев...

В конце концов он даже расстроился. Как же так, думал он, ребята город спасли, немецкие танки возле самых тульских домов остановили, а никто об их подвиге не знает.

В начале декабря в палату пришли ефрейтор Курносов, Гусёк и Ванников. Отяпов увидел их — глазам не поверил, а когда догадался, что это не контузия ему икается, а самая доподлинная явь, обрадовался и чуть было не заплакал. Так его тронула забота товарищей. Не забыли, навестили калеку, консервов вон принесли, сала и хлеба. Целый кулёк всякого довольствия. Небось, от своего пайка оторвали мне на гостинец...

Самым бравым и подтянутым выглядел Гусёк. Он щеголял в белом, ещё не выгвазданном ни сажей, ни окопной грязью овчинном полшубке и высоких необмятых валенках. На плече висел такой же новенький ППШ, а на ремне — штык-нож от свт. Видать, на махорку выменял, подумал о своём бравом гвардейце Отяпов.

Он сразу кивнул на шанцевый инструмент и сказал:

— Освоил новую матчасть?

— Так точно, — улыбаясь, ответил боец.

Хороший парень, про себя похвалил Гуська Отяпов. Хорошо, что вывел его с Рессеты. Цепкий оказался, не смотри, что на вид хлипкий и всё

время дрожал. Вот уж вправду сказано: страх—это волк; одного придавливает, как овечку, так что та уже и не мекает, а другого героем делает.

— Залезался ты на чистых простынях, Нил Власыч,— сказал Курносов.— Когда на выписку?

— Да уже скоро,— признался он.— Видать, что-то за городом затевается. А?— и он заговорил тише, чтобы слышали только свои:— Выписывать народ стали больше. Слыхал от санитаров такое: маршевые роты формируют, войска на передовой свежими силами пополняют.

Долго им в палате сидеть не разрешили. Попрошались. На всякий случай сказали, где искать их полк, и пошли.

Когда они ушли, Кузьма, вернувшись из курилки со всегдашним «сороком» в рукаве, кивнул на дверь:

— Товарищи? Я так и понял. Хороший народ. Боевой. Такие ближе всякой родни.

— Это да. Я с ними всего повидал. Рад, что живы,— и вздохнул.— Живы, да не все.

— А ко мне никто не придёт. Все погорели,— и вдруг Кузьма объявил:— Завтра мне на медкомиссию. Буду проситься в свою бригаду. Где она теперь? Начальство знает. Механиков-водителей не хватает. Есть приказ, что нашего брата после госпиталей направлять только по прежней специальности. Как думаешь, «тридцатьчвёрку» мне дадут?

— Дадут, Кузьма. Конечно, дадут. Ты парень ходовой, знающий,— Отяпов задумался.— А мне винтовка всегда найдётся. Хоть со склада, хоть из-под снега...

Глава седьмая. Наступление

В середине декабря 1941 года вперёд пошёл и левый фланг Западного фронта—50-я и 10-я армии.

Из штаба фронта в штаб 50-й армии пришёл приказ: глубоким ударом на узком участке фронта выйти к Калуге и к двадцатому декабря овладеть городом. Задачу должна была выполнить ударная группировка, куда вошли несколько дивизий и отдельных частей. Отходящие на линию реки Оки войска 2-й танковой армии Гудериана сплошного фронта уже не имели. Лишь в крупных населённых пунктах и городках стояли немецкие гарнизоны. Однако путь на Калугу ударной группировке приходилось пробивать с боями.

Отяпов всё время посматривал на артиллеристов. Вот чёртвы дети, бранил он про себя «сорокапятчиков», которыми командовали два молоденьких лейтенанта. Те копошились в снегу вместе с расчётами, что-то кричали ездовым. Но ездовые, устав нахлёстывать лошадей, которые совсем выбились из сил и теперь почти беспомощно дрожали облепленными снегом боками, командиров, похоже, не слышали.

На самом деле командовал всей здешней артиллерией пожилой старший сержант. Невысокий ростом, коренастый, в белой каракулевой шапке, он подскакивал то к одной запряжке, то к другой, давал какое-нибудь короткое распоряжение или просто делал едва заметный жест, и расчёт дружно налегал на щит орудия, хватался за постромки, помогал лошадям осилить подъём.

Шли они уже несколько часов. Рота двигалась взводными колоннами. Тащили с собой обоз— несколько саней с боеприпасами и ротным имуществом. С ними шёл взвод «сорокапятков».

В голове колонны несколько раз вспыхивала стрельба. Но тут же всё затихало. Передовое охранение уничтожало какой-нибудь немногочисленный немецкий гарнизон в очередной деревне. Немцы вместо того, чтобы уйти, встречали колонну пулемётным и автоматным огнём. Их тут же сметали ответным огнём. По всему было видно, что противник не ждал прорыва на этом направлении и принимал авангарды группировки за мелкое подразделение или разведку противника.

В бой рота пока не вступала. Бойцы лишь видели в снегу на обочинах полузаметённые снегом трупы немецких солдат и полицейских. Рассматривать убитых было некогда. Вот сволочи, думал Отяпов, всего-то месяц-другой, как немец здешние просторы занял, а уже желающих ему служить— орава! Неужто и у них в Отяпах кто-нибудь из местных повязку надел? А что, очень даже может и такое случиться. Он начал перебирать в памяти всех мужиков, кого не успели забрать на войну, и не мог найти ни одного такого, на кого можно было бы подумать, что он пойдёт служить немцам. Но всё же представил, какая жуткая жизнь, должно быть, в оккупированных деревнях, и снова тревога за своих охватила его.

Командиры всё время поторапливали. — Давай, давай, ребята! Шибче! Шибче!— сердито пробасил сквозь забитые снегом густые усы старший сержант на своих артиллеристов и повелительным жестом махнул оказавшимся рядом пехотинцам.

Левая пристяжная упала на колени и испуганно заржала. Опяпов схватил её за узду и потянул на себя:

— Ну, милая, давай, тянись, недолго нам уже осталось. Светает вон, значит, скоро остановимся.

Потом начался спуск. Артиллеристы, как дети на горке, тут же застопорили кольями спицы колёс, повисли на длинном стволе «сорокапятки», ухватились за щит, задерживая её движение, чтобы орудие своей тяжестью не придавило передок с зарядными ящиками и не поломало ноги лошадям. Послышался смех. Опяпов, тоже ухватившись за заиндевелый наклонный щит, увидел одного из лейтенантов. Тот широко улыбался. Полушубок его был расстёгнут, потемневшая от пота гимнастёрка

паріла. Ишь, разгорелся, подумал о нём Отяпов, как всё равно к тёще на блины едет... Видать, ещё не попалад в наступащее-то дело. Ну, скоро будут ему и тёща, и блины, и мёрзлая глина в нос...

То, что рядом, в ротной колонне, шли артиллеристы, успокаивало. Пушка—это тебе не винтовка. Шарахнет—и танк неживой...

Они ещё не наступали. За всю войну, с самых летних боёв, ни разу. Была одна шальная контратака на Рессете. Но и она, считай, закончилась не совсем хорошо. Вроде и победа, и не победа. Потом снова отступали.

А тут—настоящее наступление. Говорят, несколько дивизий двинулись вперёд. Кавалерия. Танки. Артиллерия. На снях везли миномёты и ящики с минами. Где-то в хвосте колонны двигались и «катюши». Какое ж наступление без «катюш»? Бойцы только и говорили, что про «катюши» и новые танки. Начальство это обязательно предусмотрело и позаботилось о нашей пробивной силе, с надеждой и даже уверенностью думал Отяпов. Как стреляют «катюши», он видел. Сила! Под Тулой как заревели—дым, огонь, снежная пыль столбом! Пехота из окопов выскочила и—ходу в лес! Из окопов же не видно, куда из этих кузовов снаряды летят. Потом долго смеялись. И миномётчики, и бросившая свои позиции пехота.

Рядом хрустел снегом и покашливал Гусёк. Гуську, как бывалому воину, перед маршем выдали несколько гранат и два запасных диска к ППШ. Начальство его уже заметило. Что ж, заслужил делом. Отяпов видел, как тот раза два снимал рукавицу, ощупывал дымящимися пальцами свой автомат, выковыривал из-под спусковой скобы и рычажка перевода огня набившийся снег. Молодец, матчасть соблюдает в чистоте и готовности. Надо ж, какой солдат получился! А сколько таких ребят полегло, сколько в плен пошло, тут же затосковал Отяпов. Не вывели, не сберегли для Родины и Красной армии своих надёжных бойцов. Отяпов вспомнил и капитана Титкова. Где-то тут, рядом, опять командует батальоном капитан Титков. Сволочь такая...

Рассвет их застал в поле. Только что миновали деревню. Бойцы с тоской и надеждой посматривали на дворы. Хаты стояли нежилые, с выбитыми окнами и сорванными дверями. Выстуженные. Хлева тоже пустые. Германец похозяйничал, определил Отяпов. Но ладно хоть не пожёг. Заткнуть сеном оконные проёмы, навесить двери, протопить печи и—завалиться на отдых... Самое время. Днём-то продолжать марш опасно—не ровён час, самолёты налетят. Но деревню они миновали в том же темпе. Командиры молчали. Теперь оставалось надеяться, что на днёвку их остановят в лесу.

Дорога впереди была прочищена. Но снег валил и валил, позёмка гнала косяки снежной крошки

по полю и оседала здесь, как туман в противотанковом рву. Белые тугие барханчики росли кубковым на глазах. Колёса орудий вязли в них. Лошади совсем ослабли, и ездовые попрытали кнутья, кнут был уже бесполезен.

Наконец и поле осталось позади. Дорога пошла чище, легче. А ветер уже не так трепал солдатские шинели и полушубки, не сёк ледяной крошкой по глазам, не жёг щёки, с которых будто содрали кожу.

И вот в голове колонны родилось и радостной птицей пронеслось по заполненной войсками дороге:

— Стой! Принять в сторону! Привал!

Принять в сторону можно. Полезли в снег. Местами проваливались по пояс. Вокруг елей обтапывали сугробы, ломали лапник и тут же валились на охапки и засыпали, даже не сняв вещмешков и не отряхнувшись от налипшего в поле снега.

Подошла ротная кухня. Старшина начал раздавать горячую кашу. Перво-наперво накормили артиллеристов. Бойцы стояли с котелками наготове и терпеливо ждали, когда пройдут «сорокпятчики».

— Ну, ребята,—сказал лейтенантам Отяпов,—вы ж, глядите, наперёд и воюйте не хуже, чем на кухне.

Те засмеялись. Эх, дети, подумал Отяпов. Такие не погубили бы орудия. Без орудийной поддержки роте в бою—беда.

Только успели ложки облизать и рассовать их по укромным местам—кто за голенище, кто в нагрудный карман, кто куда,—прибежал ротный: — Отделение Отяпова и сапёры! Ко мне!

Вот тебе и привал. Похоже, Отяпов, накрылся твой честно заслуженный отдых.

Ротный нахватал их пятнадцать человек. Из штаба полка прибыли лыжники, тоже человек пятнадцать. С ними старший лейтенант. Разведка. Все при автоматах. Кое у кого трофейные. Разведчики с трофейным оружием щеголять любят, этот форс Отяпов давно заметил.

Артиллеристы быстро отвинтили с осей колёса одной из пушек, сняли бронешит. Пушку приладили на сани, притянули проволочными скрутками. И—вперёд.

Задачу старший лейтенант из полковой разведки поставил уже в пути: впереди деревня, немцев в ней немного, человек двенадцать, но при зенитной установке и двух пулемётах, и этот чёртов гарнизон необходимо было взять любой ценой. Из лазарета прислали две санных повозки с санитарями. В одной из санитарок Отяпов сразу разглядел Лидку Брусиленкову. Та тоже махнула ему рукой, радостно улыбнулась. Опять им выпала доля хлебнуть чего-то непонятного и вовсе нерадостного. Хотя встреча с роднёй—а какая она ему родня?—Отяпова обрадовала.

Шли около часа. Свернули в лес. Затихли. Ездовые соскочили с саней, гладили заиндевелые

морды лошадей, чтобы те не заржали и не выдали отряд.

Деревня рядом. В ней тихо. Может, ушли? Германец, он хоть и смел, и хороший вояка, а всё одно умереть от пули боится. А тут на него такая силища прёт.

Вернулась разведка. Нет, не ушёл. Значит, придётся атаковать.

Старший лейтенант задумался. Позвал артиллерийского лейтенанта. Начали совещаться. Отяпова тоже к себе позвали. Он всё время молчал, вопросов не задавал, чтобы не досаждать командирам решать самое главное. Кто он им—пехотный сержант?

Распрягли коней. Вывернули оглобли, чтобы не мешали в лесу. Сани с «сорокапяткой» потащили к опушке.

Вон он, зенитный автомат, спаренные стволы торчат над снежным валом. Не обманули разведчики. Там же, над валом, виднеется фигура часового. Немец закутан в какое-то пёстрое тряпье. Видать, совсем замёрз, бедолага. Ветер тянет от деревни. Значит, немецкий часовой их не слышит. Старший лейтенант команды отдаёт шёпотом.

Самая непростая задача, как всегда, у пехоты: как только отстреляется расчёт «сорокапятки», атаковать юго-западную окраину и захватить три крайних дома.

Лыжники уходят раньше. Они войдут в деревню с северо-востока и перекроют дорогу на восток одновременно с атакой отделения Отяпова и сапёрной группы. Это—чтобы из деревни ни одна душа не ушла.

Вначале всё шло удачно, как задумывалось. Артиллеристы отстрелялись точно. Сразу подавили зенитную установку. Отяпов поднял своих. Добежали до первой хаты. И тут ударил пулёмёт. Он бил откуда-то из глубины проулка, из метели. Упало несколько человек. Захрипел Ванников, загребая под себя снег. Отяпов ухватил его за ремень и оттащил за кладушку дров. Залегли. Пулёмёт не умолкал. И Отяпов сразу забеспокоился о тех, кто остался лежать на снегу, в проулке, под огнём. — Нил Власыч, я заметил, откуда он стреляет, — Гусёк дрожащей рукой очищал от налипшего снега свой ппш.

Протёр, проверил диск и вытащил из кармана полушубка гранату, зачем-то подышал на неё.

Нервничает, понял Отяпов.

— Давай, Гусёк. Правее обходи. Вдоль сараев. Спасай нас всех. Вся надежда на тебя.

Гусёк исчез в проулке. Метель поглотила его мгновенно.

Отяпов полез в карман Ванникова, чтобы найти его медицинский пакет. Но вдруг понял, что уже ничего не надо, — Ванников не дышит и начал быстро остывать. В Калугу шёл... Домой. Надеялся своих повидать. Повидал...

В глубине проулка лопнула граната, потом другая. Немного погодя вернулся Гусёк. Он тащил пулёмёт. Тянулась по снегу лента с длинными, как карандаши, патронами. Дырчатый кожан с шипением дымился, издавая приятный металлический запах.

— Вот, Нил Власыч, трофей прихватил.

— Ванников помер, — ответил Отяпов.

— Что, наповал?

— Наповал. Вот тебе и Калуга...

Гусёк забрал из карманов шинели Ванникова гранаты. Припорошил снегом лицо. Снег уже не таял. Сказал:

— Похоронить бы...

— Местные похоронят, — махнул рукой Отяпов.

Вскоре пришли лыжники. А за ними — связной из штаба батальона с приказом: атака деревни отменяется, срочно возвращаться назад.

Отяпов с Гусёком вытащили тела убитых к дороге. Оружие забрали с собой. Раненых увезла Лидка. Хоронить своих товарищей им было некогда. Местных жителей никого не видать. Ни души. Должно быть, все ушли в лес. Или немцы угнали. В дома заходить не стали. Не до того.

Оказалось: батальонная колонна меняла маршрут движения. Деревня им теперь была не нужна, её они обходили стороной. Разведка нашла другую дорогу, более пригодную. Пришёл приказ: мелкие гарнизоны обходить, боем себя не связывать, оставлять их вторым эшелонам.

Глава восьмая. Бой за деревню

В Калугу Отяпов не попал. Полк обошёл город с северо-запада. Шли маршем, без остановок и боёв. Всё уже было сделано. Вдоль дорог стояли уткнувшиеся в кюветы громоздкие немецкие грузовики, наши зисы и полторки с выгоревшими кабинами и обгоревшими, осевшими скагами, будто обглоданными каким-то неимоверным и жадным зверем.

— Хороший город, — сказал Курносов. — Я до войны тут бывал.

— Пожгли сильно, — Отяпов смотрел на дымчатую кромку горизонта, которую обрамляли плотно наставленные дома незнакомого города, той самой Калуги, о которой столько говорили все эти дни и откуда родом был Ванников.

— Да, пожарищем пахнет сильно.

Вскоре повернули левее и вышли к крайним домам. Домишки здесь стояли так себе, не лучше, чем у них в Отяпах. Правда, все крашенные в голубой или в зелёный цвет. И наличники резные, в затейливых узорах. Такого художества у них в деревнях не водилось.

Отяпов шёл и любовался наличниками. Каждый следующий дом был украшен узором, который совершенно отличался от предыдущего. Мудрёный, видать, тут народ живёт, подумал Отяпов,

завистливый. Вон как своё от соседского отгораживает. Вот такой и Ванников был, царствие ему небесное. Не дошёл до своего дома. Тоже, должно быть, с узорами да затейством... Дети сиротами остались.

Возле дороги лежала полуобгорелая лошадь, задрав кверху заиндевелые копыта. Её уже свежевали две старухи и мальчонка. Старухи рубили топором куски мёрзлого мяса, а мальчик складывал их на санки, стоявшие в чёрном затоптанном снегу, обмётанном копотью. Топор у старух был, должно быть, туп, и у них получалось плохо. А может, труп лошади сильно застыл. Ротный сказал, что ночью давануло до тридцати пяти. Ну, ничего, в такой одежке, в какую обмундировали их перед наступлением, пережить и не такой мороз можно.

Мальчик смотрел на идущую колонну и рассеянно улыбался. Должно быть, голодный, подумал Отяпов. Но его опередил пулемётчик Гридников. Он перескочил через кювет и сунул мальцу кулёк. Что у него там было, неизвестно. Может, сахар да сало. Что им ещё выдавали перед маршем? По банке рыбных консервов и гороховый концентрат. Гридников — человек добрый, он последнее отдаст, не пожалеет.

А малец чем-то на Власика похож. Только, может, ростом поменьше.

Отяпов оглянулся. Но колонна шедших сзади уже закрыла обочину дороги, где старухи и малец разрубали убитую лошадь.

К вечеру вышли к деревне. Деревня целая, дома стоят все, не пожжены, не побиты снарядами.

За деревней шла стрельба. Пока палили из винтовок да изредка дёргал морозный звонкий воздух наш «максим». Басовитый его грохот раскатисто стлался по вымерзшей лощине, где лежали несколько убитых. Чьи там лежали убитые, пока было непонятно.

Расположились за домами и сараями. Ротный сказал, что предстоит атаковать ту сторону лощины. Там засели немцы. Неужто придётся лезть через лощину в лоб, без артподготовки?

Отяпов высунулся из-за угла, чтобы получше осмотреть местность, где им через минуту придётся умирать. Лощина неширокая, перескочить можно в один мах. Несколько стёжек протоптаны на ту сторону. По ним, должно быть, и бежали те, что лежат теперь, припорощённые снегом. Один лежал совсем близко, за колодцем. Отяпов прищелкнул: немец! Так тебе и надо, чёртов сын, подумал об убитом Отяпов.

Рядом шевелился Курносов. Он устраивался поближе к фундаменту.

— А ну-ка подвинься, — сказал Отяпов и толкнул его валенком в бок. — Убери-ка свой лафет в сторонку.

И точно, вскоре и их очередь подошла.

Вначале «максим» прошёлся очередью по березняку и верхушке пологой горки на той стороне лощины. Было хорошо видно, как пули поднимали снежную пыль и секли по сучьям молодых деревьев. И тотчас оттуда ответил немецкий мГ. Несколько пуль шлёпнули по брёвнам дома, звякнуло разбитое стекло.

Появился ротный. Начал смотреть в бинокль в сторону горки, откуда часто молотил немецкий пулемёт.

— Приготовиться! — крикнул он.

Но немцы поднялись раньше.

— Господи Иисусе Христе! — выдохнул Отяпов и оглянулся на товарищей, прижавшихся к стене дома в ожидании своей участи.

Но тут захлопали миномёты, и лощину, противоположный склон с фигурками в грязных коротких комбинезонах, березняк и трупы немцев заволокло гарью и снежной пылью.

— Понеслась кривая в баню, — хохотнул Курносов и вытащил из-за пазухи сухарь.

Некоторые осколки на излёте добрасывало до самых дворов. Они шлёпались поодаль, прожигали затоптанный снег и исчезали, как нечистая сила.

Через несколько минут опять появился ротный. В руках у него был новенький ппш. Он что-то кричал. И Отяпов понял, что надо выходить и бежать туда, по лощине в гору, где всё было расковеркано минами и где гарь всё ещё оседала на седой испорченный снег.

Окопы немцы отрыть не успели. Сделали норки в снегу, снизу застелили еловым лапником. Пулемётчики устроились более основательно. Натаскали досок, выложили бруствер и присыпали снегом. Расчёт уйти не успел. Двое лежали прямо возле пулемёта, уткнув головы между коробок с патронами. Осколками изрубило именно головы. Третий поодаль. Утрежьего головы и вовсе не было. — Хорошо отработали миномётчики, — стиснув зубы, сказал ротный.

Они потоптались вокруг убитых пулемётчиков и пошли в сторону леса, куда продвигался весь батальон.

Возле леса были сложены раненые. Во время боя их стаскивали сюда. Примчались санитарные сани, потом ещё двое. Начали грузить раненых. Отяпов помогал санитарам поднимать на сани раненых и всё смотрел в поле, не подыдет ли на своём сером коне Лидка. Но Лидки не было.

Зато появился капитан Титков. Его Отяпов узнал сразу. На белой лошади. Бравый. В хорошо подогнанном полушубке и в белой кубанке с красным верхом и золотым галуном. Прямо орёл степной, казак лихой. Встретились глазами. Отяпов отвернулся. Узнал ли его капитан Титков? Должно быть, узнал. Не такой уж он и пьяный был тогда, на Рессете, чтобы не помнить бойца, который хотел скинуть его с повозки.

— Ну что, ребята? — крикнул Титков весело, как будто привёз полевую кухню с горячей кашей и звал всех к котлу. — Много трофеев нахватили? Тачи всё в деревню!

Трофеи были. Несколько пулемётов, два миномёта, мотоцикл, повозки и лошади. Лошадей, правда, тут же старшины расхватили по ротам. Их в список трофеев не впишут. Не такие дураки командиры, чтобы ради лишнего ордена коня в чужой обоз отдавать. Ордена ещё будут, а конь нужен сейчас.

Кухня и вправду уже ждала их в только что захваченной деревне. Вот молодец старшина! День выдался хороший. Даже, можно сказать, весёлый. Все живы. Раненых быстро отправили в тыл. Жалко только, что в Калуге не побывали. В Туле вот довелось. Шами с гусятиной угостили. На всю жизнь запомнится. А тут — не довелось. С другой стороны, что им было делать в Калуге? Город разбит. Народ голодный. Можно было бы отыскать семью Ванникова. Но что сказать его жене? Что не уберегли её мужа от немецкой пули? Рассказать — то, конечно, надо было. Где убит. Как воевал. Как о них тосковал. . .

Каша была вкусная. Гусёк так и хватал с ложки большими кусками. Задыхался, кашлял, шлёпал жадными губами, измазанными сажей. Без конца закидывал за спину свой ппш. Приклад автомата он уже где-то порядком ободрал.

— Что ты, — сделал ему замечание пулемётчик Гридников, — как гончий кобель после охоты? . .

Гусёк только засмеялся и отвернулся, чтобы кашлять в сторону. Ел он всегда много.

Прошли мимо миномётчики. Несли трофейный пулемёт и немецкие ранцы.

— Пригребай, ребята, к нашему котлу! — позвал их старшина.

Своих он покормил, можно было угостить и соседей, так вырчивших роту во время боя.

Солнце уже зачерпнуло снега в дальнем поле, золотило густым уходящим светом соломенные крыши. Уцелела деревня. Уже и жители откуда-то появились. Ребятишки сновали среди бойцов. Их старшина тоже приказал кормить до отвала.

Вот бы и в свою родную деревню так войти, подумал Отяпов, глядя на ребятишек. Покачал головой, но никому об этой своей мечте не сказал. Он знал, что на войне о таком лучше молчать.

Отяпы были далеко. Но туда они уже шли.

Глава девятая. На Варшавском шоссе

Полк разгрузился на заснеженной станции.

Артиллеристы выводили из вагонов испуганных лошадей, скатывали по бревенчатым помостам дивизионные пушки. Орудия на резиновых колёсах мягко скатывались вниз, в снег, покачивались из стороны в сторону, словно живые.

В голове состава разгружалась санитарная рота. Там тоже стояли суматоха и гвалт.

Роты выгрузились быстро. Сложили на сани своё армейское добро: ящики с гранатами, цинки с патронами, какие-то мешки, от которых пахло съестным — не то сухарями, не то воблой. И через полчаса уже шагали взводными колоннами по натопанному просёлку прочь от станции.

— Куда ж нас, братцы, гонят? — спросил боец из недавнего пополнения, прибывшего из Калуги.

В их полк влили несколько маршевых рот. Артиллерийский дивизион получил тут же, на станции, несколько новых орудий. Каждой роте выделили два пулемёта — из ремонтного фонда. «Максимы», брошенные по лесам и дорогам ещё во время осеннего отступления и собранные комсомольцами, отремонтировали на калужских заводах и распределили по ротам. Роты получали их как награды. Политруки даже короткие митинги провести успели: так, мол, и так, за успешную атаку населённого пункта такого-то и примерное выполнение приказов командования. . . Пулемётчики поклялись отомстить за погибших товарищей.

Один пулемёт достался Гридникову. Ему сразу же присвоили младшего сержанта и дали двоих бойцов из калужан. Один из них теперь тащил тяжёлое тело «максима» с ребристым кожухом, другой — станок. Гридников нёс покрашенный известью щит. Перехватил его трофейным ремнём, перекинул за спину и двигался в строю, как бронепоезд. Коробки с лентами, пользуясь своим новым высоким чином, он заботливо распределил среди бойцов взвода, так что ни одно из отделений не осталось без ноши.

Одна из коробок была поручена отделению Отяпова. И в начале её бережно нёс сам отделённый. Наконец Отяпов окликнул шедшего рядом Гуська и сунул ему в руки тяжёлую металлическую коробку. Её тоже кое-как, наспех, обмазали густой известью, она не успела высохнуть и замёрзла.

Маскировку наносили уже в эшелоне. Взводный принёс ведро с известью и приказал покрасить всё, что можно. На всё извести, конечно, не хватило. Но самое главное — каски и пулемёт — покрасили.

Шли уже несколько часов. К вечеру мороз начал прижимать. Особенно в поле. Так и жалил открытые места, давил на лоб и виски.

Вскоре впереди увидели холмы, которые грядой уходили вдоль шоссе на запад. Уподножия холмов всё было запутано проволокой. Темнели следы танковых гусениц. В лоштинке стоял сгоревший лёгкий Т-60. Корма у него была взорвана — видать, сдетонировали боеприпасы. Он уже порыжел от ржавчины, а сверху его прикрыло высокой снеговой шапкой.

— Вот тут, видать, и остановимся на постой, ребята, — невесело сказал Отяпов, оглядывая окрестность.

А окрестность и вправду была безрадостной.

Линия окопов тянулась по опушке реденького леса, иногда по чистому пространству среди одиноких кустов ивняка. Позади, судя по чёрным шишкам куги и зарослям камыша, болото. Там чернели свежие полыньи от разорвавшихся снарядов и мин. Полыньи были разного размера.

Не доходя до линии окопов, спустились в глубокий ход сообщения. Приказали нагнуть головы. Нагнули. Пошли на полусогнутых. Кому охота снайперу под пулю голову подставлять?

Отделению Отяпова достались тридцать метров неглубокой траншеи со снежным бруствером. Кое-где, где были устроены стрелковые ячейки, снег облит рыжеватой водой и заморожен. Под ногами зыбало и чавкало — болотина. Траншея мелковата, но копать глубже нельзя, вот и намораживали их предшественники бруствер.

— Вот, командор, и попали мы, — сказал Лапин и начал по-хозяйски устраиваться в ячейке.

Бойцы своим новым окопом, да и всей позицией, доставшейся им по жребии войны, были явно недовольны.

Лапин ещё в лесу наломал сосновых веток и нёс их под мышкой. Теперь старательно укладывал их под ноги. Каждую веточку поправлял по несколько раз. Кто-то, глядя на его старания, пошутил:

— Ты, Лапин, уж больно стараешься. Баба так постелю не стелет.

В ответ Лапин только усмехнулся. На вид ему было лет тридцать. Сухощавый, живой, как подросток. На тыльных сторонах ладоней густые аляповатые татуировки: на одной — восходящее или заходящее солнце с надписью «Север», на другой — череп с серпом и молотом на лбу и надписью «Печора». Видать, парень бывалый, поглядывая на своё пополнение, примечал Отяпов. Ну, ничего, тут нам не гладью вышивать. Бойцы Лапина сразу прозвали — Расписной. Тот не обиделся.

Ячейка, которую занял Отяпов, пахла мочой и болотиной. Под ногами валялся кусок кровавого бинта. Вмёрзший еловый лапник дышал и сипел. Иногда казалось, что стоишь на кочке среди болота и вот-вот ухнешь в прорву. Но это — когда одолевали дрёма и гиблые мысли. А так ничего, можно было терпеть. Позиция как позиция. Не они её выбирали, командование выделило. На войне солдату позиция — как долька на сенокосе: какая досталась, ту и коси.

Пришёл взводный и приказал выделить троих человек для строительства землянки.

Отяпов тут же занарядил троих калужан, старшим назначил Лапина.

— Ладно, мне не западло и на кума поработать, — согласился тот. — Для разнообразия жизни, так сказать. А где будем эту самую блахату созидать? Да, командор, и вот ещё что: на круг всё же работать будем, допшаёк не предусмотрен?

Отяпов вытащил из кармана сухарь и сунул Лапину. Но тот отвёл его руку, засмеялся и пошёл по ходу сообщения за взводным.

Непростой ему попался человек, этот Расписной-Лапин. Взводный приказал присматривать за ним особо: мол, бывшие уголовники перебегают на ту сторону, чуть что — руки вверх... Вот не было заботы Отяпову, когда простым бойцом был, без должности. Только и отвечал что за свою винтовку и за свой окоп. Невеликое было хозяйство, и его Отяпов всегда содержал в образцовом порядке. А теперь... На ж тебе, солдат, три «секелька» в петлицы и ответственность за целое отделение. Смотри за ними, обучай владеть оружием, приглядывай, чтобы самострел не сделали. Морока...

К ночи землянка была готова. Взвод потянулся на отдых. В окопах остались только наблюдатели и дежурные при пулемёте. Вот ещё и пулемёт... Расчёт младшего сержанта Гридникова напрямую подчинялся командиру взвода, но взводный включил его в отделение сержанта Отяпова.

Гридников со своими калужанами отрыли ещё один окоп — в зарослях кустарника, во впадине, где начиналась лощина, уходящая в сторону леса. Лощина та шла немного наискось, так что в случае необходимости он со своим расчётом мог свободно, не обнаруживая свой манёвр, перетаскивать пулемёт левее и прикрывать стык с соседним взводом. Там же окопались бронебойщики, оба расчёта.

Когда отделение ушло в землянку, Отяпов пошёл по ходу сообщения, чтобы ещё раз убедиться, что всё ладно.

Уже смеркалось. Левее, примерно в километре, гремело и перекатывалось эхом в глубину леса и по всему болоту. Там, видать, либо наши наступали, либо контратаковали немцы.

Прошёл мимо наблюдателя. Тот стоял, привалившись плечом к столбу, и жевал сухарь.

— Что, Никитин, сладок сухарь?

— Ещё как, Нил Власыч.

Все, кто шёл с ним от Ресеты и Тулы, называли его по имени и отчеству. Пополнение тоже постепенно перенимало порядки и неписаные законы, сложившиеся в отделении. Нил Власыч. Всё правильно. Какой он им «товарищ сержант»? Сержант... И слово-то какое-то не наше, не русское, а больше германское или французское...

— Всё тихо?

— Тихо, — ответил Никитин, кутаясь в полушубок.

— Затвор-то не примёрз?

— Да нет.

— Дай-ка посмотрю, — и Отяпов отвёл затвор винтовки Никитина.

Винтовка не новая, уже, видать, побывала в бою. Патрон был в патроннике, и Отяпов, убедившись в готовности бойца и его винтовки к самым решительным действиям, осторожно толкнул

боеприпас на место. Затвор ходил мягко. Смазку Никитин, как он им приказал ещё в эшелоне, протёр насухо. Калужане оказались людьми поклаdistыми и в военном деле сноровистыми. Не хуже тульских. Но те, пожалуй что, победовой.

— Смотри вон за тем склоном. Там у них окопы. Совсем близко.

— Да я уже понял. Мелькали там, котелками гремели. Сейчас затихли.

— Тоже наблюдают. Вот ты, Никитин, стоишь и за германцем наблюдаешь. А он, германец, тоже там стоит и за тобой наблюдает. Вон, ракеты начал пускать. Ты голову-то, пока она горит, убирай. Снайпер может работать. Если будет какое сомнение, кинь гранату. Понял? Только подальше. Чтобы своих не зацепить. Да и сам: кинул — и окоп... Граната хоть и своя, а тоже не разбирает, где свой, а где чужой.

— Спасибо, Нил Власыч, я всё понял, — кивнул Никитин.

Ночью отделение Отяпова подняли по тревоге. Ничего такого тревожного не оказалось. Просто из роты отряжали взвод на переноску боеприпасов, и несколько человек Отяпов отправил на неурочные работы.

Носили мины для тяжёлых миномётов. Сто двадцать миллиметров. Здоровенная, тяжёлая чушка.

Тропинка была проложена прямо по Шатину болоту, через лес. Там, в лесу, находился склад боеприпасов, хорошо замаскированный в оврагах среди вековых елей. Чтобы не демаскировать склады, днём туда никто не ходил, не ездил. Снаряды, мины и прочие огнеприпасы на позиции артиллеристов и миномётчиков доставлялись в тёмное время суток. Ночь в феврале дольше дня, и до рассвета бойцы успевали сделать по Шатину болоту от складов на позиции по три-четыре ходки.

Тропинка под ногами прогибалась. Особенно когда возвращались назад, с двухпудовой ношей. Мины перевязывали за хвосты ремнями, перекидывали через плечо или через голову — и вперёд. Дистанция десять шагов.

Хруп-хруп зыбкий ледок под ногами. Впереди идущий вытягивает шею из-под врезавшегося в плечи ремня, смотрит в глубину белого болота, покрытого пятнами от попаданий снарядов и мин. От них тянет тухлой болотиной. Чёрные полины парят, мороз им ничоём, словно изнутри их подогревает сама нечистая сила, прилетевшая сюда с Зайцевой горы.

Отяпов поправил сползшую вниз левую мину, заодно пощупал, ладно ли затянуты узлы. Подумал, тоже поглядывая в белое поле: летом, должно быть, тут полно утей. Гнездятся. Выводят утят. Корма полно. Укромно. Кустарник. Камыш. Узлы на хвостах мин надо было проверять постоянно, не развязались бы...

Впереди идущий начал сбиваться с ноги, вихлять и замедлять ход.

— Стёпин! — окликнул его Отяпов. — Не спи, гад ты такой! Угробишь себя и нас!

Разговаривать на тропе запрещено. Но Стёпин, идущий впереди, явно задремал и в таком ненадёжном состоянии может наделать беды куда хуже.

Стёпин оглянулся, махнул рукой: мол, всё в порядке, не сплю.

Не сплю...

Стёпин тоже калужский.

Стёжка начала отворачивать влево. Обходили полинью, из которой торчали покрытые инеем жерди. На жердях обрывки тряпья. Начальник склада, когда проводил инструктаж, рассказал: три ночи тому назад задремал на ходу боец, упал, мины ударились одна о другую и произошёл взрыв.

Отяпов посматривал за идущим впереди до самого конца болота. На твёрдом догнал бойца и ударил его кулаком между лопаток:

— Ты что, чёртов сын? Петляешь, как пьяная курица!..

— Виноват, Нил Власыч. Больше не повторится. — Смотри...

До общего подъёма успели пару часов поспать. Спали не разуваясь. Зарылись в солому в углу землянки и тут же дружно, как сыны от одной матери, захрапели.

И приснился Отяпову сон. Будто идёт он по гречишному полю. Гречиха цветёт белым цветом. На вишнёвых стебельках тяжёлые гроздья цветков. Эх, какой урожай будет, думает Отяпов! А солнце над полем такое жаркое, доброе, на всё хватает его тепла — и на гречишное поле, на цветы, на лес, мреющий среди зноя тёмно-зелёными соснами и бархатистыми осинами, на него, Отяпова, чтобы он не мёрз посреди февральского болота. Но это ещё не весь сон. Самое радостное в нём было то, что краем поля, только с другой стороны, шла женщина. Отяпов смотрел на неё и вроде бы узнавал, а вроде бы и нет. Решил окликнуть по имени. Имя он вроде как тоже знал. Набрал в грудь воздуха, чтобы осилить крик... Но тут его толкнули в бок. Разбудил какой-то гад распоследний из отделения...

— Вставай, Нил Власыч. Каша пришла.

Тьфу, подумал с досадой Отяпов. Но каша — тоже дело неотложное. Надо подниматься. А в глазах стояли, холодили веки слёзы. Так жалко, что сон не досмотрел.

Только успели управиться с кашей, зашевелился весь полк. Доскабливали котелки уже в ячейках.

А на гряде высот, по гребню и скатам, уже поднимались чёрные столбы взрывов. Неужели артподготовка? Вон для какого дела они мины всю ночь носили. Сердце у Отяпова заколотилось. Он оглянулся на своих. Лица у всех посерели, вмиг осунулись. Поняли, что сейчас будет.

Артиллеристы и миномётчики ещё покидали снарядов и мин по гребню высоты. Взводный выскочил на бруствер, поскользнулся на обледенелом скате, упал, выронил свой пистолет. Тут же торопливо поднялся, снова полез на бруствер. Пистолет ему подали.
— Вз-зв-во-од! — закричал он, не теряя решительности. — За мно-о-ой!..

Левее, натужно ревя моторами, шли три танка. Две «тридцатьчетвёрки» мощно пробивали в снегу глубокие туннели. За одной из них, немного отстав, шёл т-40.

Лейтенант бежал впереди и часто оглядывался на бойцов, которые барахтались в снегу позади него, широко растянувшись по полю.

— Гусёк, Лапин! Давай за мной! — и Отяпов перевалился через снежный отвал и побежал за «тридцатьчетвёркой» по рыхлому гусеничному следу.

Он знал, что сейчас, когда немецкие противотанковые пушки начнут стрелять по танку, на линии огня окажутся и они. Но ползти по глубокому снегу, а потом перебираться через заграждения из колючей проволоки было ещё опаснее. Сапёры ночью ползали на нейтралку, снимали мины и резали проволоку. Немецкие дежурные пулемёты их отпугивали. И неизвестно, где сапёры сняли мины, а где нет.

Немецкие противотанковые орудия заработали в тот момент, когда «тридцатьчетвёрки» подошли к линии проволочных заграждений. Одна трасса прошла над танком выше, даже не задев его. Другая чиркнула по башне и, изменив траекторию, прошуршала над головами бойцов, бегущих за танком. Они инстинктивно попадали в снег. Но тут же поднялись и побежали дальше. Третье попадание оказалось более точным. Трасса рассыпалась брызгами электросварки на наклонной лобовой броне. Танк вздрогнул, будто на всём ходу наскочил на камень, спрятавшийся под снегом, но продолжал идти вперёд. «Тридцатьчетвёрка» то зарывалась в глубокий сугроб, то вскидывалась, разбрасывая блестящими гусеницами куски наста, словно в своём порыве хотела взлететь над землёй и поскорее добраться до немецкой траншеи.

Лёгкий т-40, шедший позади, делал короткие остановки и стрелял из обоих пулемётов. Особенно отчётливо слышался басовитый стук крупнокалиберного дшк. Башенный стрелок, должно быть, засёк позицию ПТО и теперь молотил из пулемётов в одном направлении. И орудие вскоре замолчало.

Треснули столбы, и «тридцатьчетвёрка» протаскала вперёд проволоку, потом развернулась и пошла левее, по ложине. Теперь огонь противотанковых пушек, стоявших на прямой наводке на склоне высоты, ей был не страшен. Она оказалась в «мёртвом» пространстве.

Отяпов оглянулся, и холодный пот побежал по позвоночнику под ремень: вторая «тридцатьчетвёрка» и лёгкий пулемётный танк пятились назад. Они вели частый огонь и уходили по своему следу к окопам, откуда начинали атаку. Пехота слева тоже стала нырять в снег и вскоре исчезла. Осталась только их рота и правофланговый батальон. Батальон уже карабкался вверх и вёл автоматный огонь.

— Давай, ребята! Вперёд! — что есть силы закричал Отяпов своим бойцам, чувствуя, что все ждут его команды. — Если тут заляжем, пропали!

Немецкий пулемёт повёл огонь вдоль наступающей цепи, больше захватывая порядки соседнего батальона. Но Отяпов знал: как только они начнут подниматься по склону вверх, к первой немецкой траншее, он перенесёт огонь на их линию. А пока для немцев, обороняющихся на склоне высоты, они были менее опасны.

Перед тем как подниматься вверх, залегли. Отдышались. Пулемёт молотил вверху и немного левее.

— Кто пойдёт к пулемёту? Нужны двое. С гранатами.

Бросать гранаты в отделении умели не все. Некоторые гранат просто боялись. Отяпов даже не был уверен, все ли взяли их с собой.

Бойцы молчали. Слышны были только кашель и хриплое дыхание.

Тогда Отяпов позвал двоих — Лапина и Никитина.

— Не бойтесь, ребята, — сказал он им, перекладывая гранаты из вещмешка в карманы. — Я пойду с вами.

Когда они поднялись по склону выше, Отяпов оглянулся: внизу лежало ослепительно-белое пространство, чистое, широкое, как поле за его родной деревней, испорчено оно было несильно и только в некоторых местах — копотью редких свежих воронок, которые ещё не прикрыл снег, и бороздами танковых гусениц. Там и тут бугрились серые холмики убитых. Возле некоторых уже копошились санитары. Танки уползли за окопы и маневрировали в перелеске. Только «тридцатьчетвёрка», прорвавшаяся в ложину под скатом горы, не бросила их и вела частый огонь по высоте. Снаряды рвались точно по гребню, где проходила немецкая траншея.

Подползли совсем близко.

— Ну, командор, кто ему рога ломать полезет? — спросил шёпотом Лапин.

Отяпов посмотрел, как затынуло тоскливой пеленой глаза Никитина, и ворохнулся было вперёд, но Лапин остановил:

— Как масть ляжет, так и будет. Я — первый.

После, когда ворвались в траншею и в короткой схватке выбили немцев из первой линии, Лапин, задыхаясь от неостывшего азарта и кашля,

рассказывал, как он справился с немецким пулемётчиком, а потом собирал трофеи в захваченном блиндаже:

— Ну, тут я ему акулу под ребро... Повалил оленя, покропил снежок красненьким... А там у них барахла всякого...

— Ловкий ты парень, Расписной! —хватили его бойцы.— Фартовый! Или как там у вас?..

Лапин, явно польщённый похвалой, рассказывал дальше. Все его с удовольствием слушали, будто сами только что были не здесь, не в месиве рукопашной, а где-то далеко, где ни стрельбы, ни немца, ни пуля над головой.

— Ну, тут я гляжу— тормоз² в конце хода. Аг-га! Я его— на себя. Гранату вперёд, на гостинец. И весь хабар, что там был,— мой! Один олень ещё живой. Ну, я ему прикладом, как вон Нил Власыч учил. Подмотал вату³—и ходу. Вот всё, что честно добыто, так сказать, в доблестном бою... —И Лапин пнул носком сырого валенка немецкий ранец.— На всю хевру, конечно, не хватит. Но можно и ещё пошмонать.

— Документы соберите,— приказал Отяпов.

Атакой он был доволен. Особенно Лапиным. И вправду парень фартовый. И подумал: надо бы взводному доложить, что уничтожил пулемётный расчёт и кому они обязаны, что ещё живы.

Начали устраиваться. Выбросили трупы немцев. Рядом, на брустверах в сторону второй немецкой линии, выложили своих. Им теперь всё равно. Через час-другой застынут, никакая пуля не возьмёт. И послужат ещё...

Спустя некоторое время внизу, возле проволочных заграждений, появилась «тридцатьчетвёрка», та самая, которая ушла по ложине влево и которая так помогла им во время атаки. Теперь она уходила назад. Видимо, отозвали. У неё командование было своё.

— Ушли наши танки,— сказал кто-то из бойцов.

— У танкистов своя работа.

— Это так. Попукали и ушли.

Бойцы материли танкистов. Но вскоре успокоились. Кто раскладывал в нише трофейные гранаты, кто курочил немецкий ранец, кто грыз свои сухари. Ждали контратаки. И не напрасно.

Немцы контратаковали уже в сумерках.

Глава десятая. «Танки!»

Вначале обработали из миномётов. Да так, что тела убитых и раненых выбрасывало из окопов. Тяжёлые мины ложились парами.

Когда начало трясти землю, Отяпова затошнило. Хорошо, что ничего не ел, подумал он, сплёвывая под ноги горькую желчь тягучей слюны. Зашумело в ушах. Контгузия, сволочь такая...

Он пришёл в себя оттого, что кто-то с силой тряс его за плечи. Пелена перед глазами рассеялась, и он увидел искажённое ужасом лицо Гуська. Случилось что-то страшное, понял Отяпов и попробовал встать. Все суставы болели. Руки-ноги дрожали.

— Танки! —услышал он голос Гуська.

Через них перепрыгнул лейтенант. Тут же резко ударила бронебойка. Обдало снегом и мёрзлой землёй.

Началось... Ничего, сейчас встану и я... Отяпов навалился грудью на бруствер. Затолкал в магазин новую обойму. Уже понесло по траншее пороховой дымок. И этот запах, почти родной, как махорочный дух, заставил Отяпова внутренне встрепенуться, взяв себя в руки.

Снова ударила бронебойка. Отяпов оглянулся. Первый номер в расстёгнутом полушубке стоял на коленях в снежном ровике и, плотно сжав губы, тщательно прицеливался—туда, вдоль склона, где, должно быть, и происходило самое страшное.

Выстрелил и Отяпов. Теперь он видел, в кого надо стрелять.

Немцы атаковали тем же манером, что и они. Танки шли впереди. Пехота небольшими группами, до отделения, не больше, продвигалась под их прикрытием.

Отяпов стрелял, выцеливая синие в вечерней мгле фигурки немецких пехотинцев, мелькавшие за коробками танков. Иногда, меняя обойму, оглядывался в глубину траншеи, приглядывал за своими, стреляют ли. Грохот стоял кругом. Стреляли все.

Танк, шедший прямо на их окопы, неожиданно резко развернулся и осел на правую сторону, выбрасывая из-под себя снег и мёрзлую землю. — Патрон! Быстро! — крикнул бронебойщик своему второму номеру.

Вот молодец Тимир, с благодарностью подумал о бронебойщике Отяпов.

Танк развернуло боком к их окопам. Теперь в него стреляли все. И вскоре он задымил. Открылся верхний люк, и из него кубарем выкатился танкист, прыгнул по броне вниз и исчез в снегу.

Ловок... Жить охота... Второго Отяпов не пропустил. Немец повис на броне, потом сполз на корму. И вскоре начала дымиться, а потом загорелась его одежда. Танк охватило пламя, начались рваться боеприпасы.

Два других танка остановились, сделали по несколько выстрелов и стали пятиться назад. Пехота залегла, открыла огонь. Перестрелка длилась минут пять. Потом погасла. Немцы короткими перебежками отходили во вторую линию своих окопов. Не вышло у них с контратакой, и они отошли.

Ишь как воюют. Осторожно. Не то что мы. Так думал Отяпов, выглядывая из окопа и определяя, откуда может прилететь пуля или мина.

2. Тормоз—дверь (жарг.).

3. Подмотать вату—собрать вещи (жарг.).

Но ничего опасного, кажется, не заметил. Можно было отдохнуть.

Об убитых и раненых траншея молчала. Не потому, что бой прошёл без потерь, а просто об этом принято было молчать, пока взводный не затребует у командиров отделений список убитых и раненых. Взводному, видать, было не до того. Пробежался по траншее и пропал где-то в стороне НП командира роты.

Ночью бойцы ходили к танку—греться. В окопах было холодно, но пуще холода бойцов одолевало любопытство. Многие чужие танки видели только на листовках, которые поучали бойца Красной армии не бояться танков противника и указывали их уязвимые места. Спасибо броневойщикам. Если бы танк долез до траншеи, наделал бы много беды.

Отяпов тоже хотел сходить посмотреть, как его, чёртова сына, раздуло от внутренних взрывов. Но усталость разламывала всё тело, клонило в сон, да так неодолимо, что, кажется, захворал, и эта хвороба захватывала его такой неодолимой силой, так корёжила и мучила ослабевшее, беспомощное тело, что он едва сдерживался, чтобы не застонать в полусне. Уснуть тоже не мог. Проклятая контузия...

Утром, когда наступил артиллерийский рассвет, прилетели самолёты. Никто их не отгонял, ни истребители, ни зенитки. Пикировщики выстроились гигантским колесом и парами бросались на отбитые окопы.

Как ни странно, но бомбёжку Отяпов вынес легче.

Самолёты заходили снова и снова. Когда очередной «лаптёжник» зависал над линией окопов и от него отделялась, будто помёт, бомба, казалось, что она-то вот сейчас и прилетит к нему. Но спустя мгновение бомбу носило куда-то в сторону. И опять жизнь продолжалась. Не так-то просто было попасть в узкую, как жилка, траншею.

Самолёты улетели. Наступила тишина. И чтостряслось, откуда прозвучала эта команда, а может, никто и не подавал никакой команды, а с людьми, сразу со многими, произошло нечто, что заставило их выскочить из окопов и бежать сломя голову вниз по склону, к своей линии?

Напрасно лейтенант размахивал пистолетом, выскочив наперерез бегущим. Его сбили с ног и, наверное, затоптали бы, если бы не Отяпов. Он подхватил лейтенанта под руки, поставил на ноги и толкнул вниз. И через мгновение тот уже бежал, спасался вместе со всеми тем же резвым аллюром.

В окопах их встретил комбат Титков. Он стоял на бруствере и, выбирая из оравы бегущих кого-нибудь одного, тщательно прицеливался из револьвера и нажимал на спуск.

— Трусые! Мать вашу!.. — матерился он и снова тщательно прицеливался, чтобы ни одна пуля не пропала зря.

Револьвер прыгал в его руках, как механический молоток, которым он уверенно забивал гвозди в бегущие ему навстречу тела. Когда патроны кончились, он открыл барабан и начал его торопливо заряжать. Но в это время бегущая лава хлынула в окопы, и комбата Титкова сбили с ног. Кто-то вырвал из его рук револьвер и отбросил в сторону, за бруствер. А что произошло через мгновение, толком никто так и не мог потом вспомнить.

Глава одиннадцатая. Окружение

В полдень по ходу сообщения ходил командир полка. Пожилой, постарше Отяпова, полковник с седыми усами, в белой каракулевой шапке. Его осунувшееся лицо, казалось, не выражало ничего, кроме усталости.

— Что ж вы, братцы, натворили? — приговаривал он, заглядывая в лица бойцов. — Что ж вы, ти-вашу-разъети?..

Бойцы при виде полковника вытягивались в своих тесных ячейках, прижимая к бокам винтовки, будто боясь, что сейчас тот потребует показать ему штык и скажет: «Вот он!»

Комбата нашли в траншее с пробитым боком и стреляной раной. Кто-то из безбавших бойцов всадил ему штык и одновременно выстрелил. Если бы только выстрелил, может, сошло бы за пулю с той стороны. Но штык, пропоровший Титкова насквозь... К тому же тело комбата было измазано глиной и грязным снегом, будто по нему топтались.

Отяпов знал капитана Титкова давно. И о том, что с ним случилось, несколько не сожалел. Подумал: место тебе, чёртов сын, на дороге, возле Ресеты надо было ещё... Скольких он положил из своего револьвера, полковник почему-то не считал и о них не сожалел. Вот о них-то, безвинно попавших под пули комбата, Отяпов горевал. Ладно б в бою...

О случившемся во взводе помалкивали. Молчали и рота, и батальон. В штабах, среди офицеров, может, и растолковывали гибель капитана Титкова на или иные лады, пытаясь понять, что же произошло, но в окопах молчали. Хотя, по лицам было видно, думали все.

Вместе с полковником в роту пришли два младших лейтенанта из штаба дивизии — дознаватели особого отдела.

Отяпов посматривал на Лапина. Тот не подавал виду. Но притих. За всем, что происходило в траншее, будто со стороны наблюдал. Глаза так и бегали. Всё делал осторожно, даже ходил и садился на ящики осторожно. И больше слушал, чем сам говорил.

Когда ввалились в окопы и начали разбираться, где свои, а где чужие, из других взводов, когда ещё не разошёлся слух об участии капитана Титкова,

Отяпов видел, как Лапин менял штык. Сдёрнул штык с винтовки убитого, а свой снял и сунул под еловую подстилку.

— Слышь, командор, — шепнул Лапин Отяпову, — как думаешь, кто хозяина заколбасил?

Отяпов ничего не ответил, даже не взглянул в сторону Лапина. И тот заметно заволновался. Снова зашептал:

— Никак следаки пришли? Как думаешь, шмон будет?

— Ты штык-то поглубже припрядь, — отмолвил ему Отяпов и посмотрел в глаза так, чтобы тот больше не заговаривал о том, о чём все молчали. — А лучше прикопай. И обойму дозаряди. Понял?

Лапин взгляд выдержал. Ухмыльнулся.

— Понял, командор. Понял, не дурак. А кроме тебя, кто-нибудь видел?

— Кто видел, тот будет молчать.

— Ну-ну, — ухмыльнулся Лапин. — Командирам следует доверять...

Младшие лейтенанты начали по очереди вызывать бойцов в землянку. Но после второй пары в роту прибежал повар Улыбин и сказал, что в лесу он напоролся на колонну танков и грузовиков с солдатами. Немцы ехали со стороны Варшавского шоссе в сторону Юхнова. Коня и котёл он бросил и сам насили вырвался живой.

— Чтoб ты сдох! — сказал пожилой бронебойщик.

Больше Улыбину никто ничего не говорил.

Все скорбели о котле с кашей. О выбывшем коне никто, кроме повара, не вспоминал. Но появление немецкой колонны в тылу обеспокоило больше. Ротный тут же схватил Улыбина за ремень и потащил в штабную землянку. Командир полка был ещё на НП, слушал показания бойцов, которые в момент гибели комбата были рядом или поблизости. Когда ротный доложил о немецкой колонне в тылу, полковник побледнел, а дознаватели тут же выгнали допрашиваемых из землянки и засобирались в штаб дивизии.

Выслали разведку. Разведка ещё не вернулась, а левофланговый батальон уже вступил в бой с перевёрнутым флангом, отбивая атаку немецкой мотопехоты.

Бой длился до самой ночи. Ночью рота отошла к болоту. А утром пронеслось: «Отрезаны».

Когда отходили к Шатину болоту, осколком мины ранило Гуська. Автомат он отдал Курносову. Гуська перевязали и увезли на санитарной повозке. Повезли его по единственной дороге вокруг болота, которая пока ещё оставалась в их руках. Раненых возили в лес. Говорили, что там, в оврагах, рядом с артиллерийскими складами, был развёрнут полевой госпиталь.

Остаток ночи прошёл без сна и покоя. Зарев полыхало повсюду. Кругом гремело. Бывалые бойцы сразу определили, что работает тяжёлая артиллерия. А это означало, что происходило

что-то серьёзное. Но больше всего настораживало то, что раненых перестали вывозить в тыл.

Утром стало известно, что немцы рассекли порядки армии на две части и одну из них, около трёх дивизий с частями усиления, а также тыловые службы и учреждения, окружили.

Отяпов знал, что такое окружение и чем это обычно кончается.

Бойцы сгрудились возле своего лейтенанта. Тот молчал. Он и сам знал не больше других. Но бойцы с надеждой смотрели на него. Ждали, что вот-вот начнётся прорыв. Командиры повыше взводного тоже молчали. Куда-то ездили на лошадях, кричали друг на друга. Матерились. И видеть это, особенно тем, кто в окружении уже побывал и понимал, что в таких случаях будет через час-другой, становилось невыносимо.

Прошли ещё сутки. Рота оставила просёлок и ушла по тропе через болота в лес. Из-за болота было видно, как по дороге двигались немецкие танки в бело-полосатом камуфляже с жёлтыми крестами.

Вскоре заговорили о прорыве. Но точных сведений по-прежнему не было: когда, где, на каком участке, и какова при этом будет задача их роты и батальона.

Наконец, в ночь назначили прорыв. Приказали изготовиться.

Почистили оружие, приготовили гранаты. Старшина раздал сухари и сушёную воблу. Костров разводить не разрешали. Пожевали воблы с сухарями. Запили вонючей болотной водой.

Наступление почему-то задержалось — начали только к утру, когда стало светать. И сразу же первые эшелоны попали под миномётный и артиллерийский огонь. Ничего не вышло. Народу на опушке и в оврагах, по которым передвигались колонны первого эшелона, оставили много. Долго оттуда доносились стоны и крики раненых.

Санитары несколько раз пытались вернуться, чтобы хоть более или менее надёжных вытащить, но их отгоняли немецкие «кукушки», которые расцелись по деревьям и открывали огонь по любому движению или шороху. Санитары рассказывали, что немцы ходят по оврагам и добивают раненых штыками.

Лапин теперь не отходил от Отяпова. Он знал, что отделённый уже бывал в окружении, что вышел и вывел людей. Инстинкт человека, не раз побывавшего на краю, безошибочно подсказывал ему, что на командиров надежда плохая, а этот неказистый с виду ефрейтор знает то, чего не знают многие, что вдобавок ко всему он человек фартовый и что его фарт и опыт помогут ему и, возможно, тем, кто окажется рядом с ним, и на этот раз.

Однажды Отяпов вышел к дороге, а навстречу Лидка гонит санитарные сани. В санях раненый,

до глаз замотанный бинтами. Битны промокли, сочились кровью.

— Дядя Нил! И ты тут?

— А где ж мне быть, милая? Где беда, там и я. Гуська, автоматчика моего, не видела?

— У нас он. Операцию сделали. Осколок вытащили.

— Ну как он?

— Лежит.

— А покормили ж вы его хоть? Или голодный погибает? На-ка, Лидушка, передай ему гостинцы, — и Отяпов протянул Лиде свёрток, где хранился остаток его сухпайка — кусок воблы и несколько сухарей.

— Не надо, дядя Нил. У нас кухня своя. И концентраты пока есть.

— Ну, гляди. Парня мне не погуби. Передай от меня ему поклон.

День прошёл в скитаниях по лесу. Куда шли? Кто их вёл? Что их ждало в конце пути? Уже никто не заботился о том, что роту надо кормить, пополнять подсумки патронами, а раненых и больных отправлять в лазарет. Старшина куда-то пропал. Ротный с санинструктором и связистами тоже ушёл в голову колонны, где, говорят, двигался штаб полка.

К вечеру на них налетели самолёты. Та же стая пикировщиков. Посыпались бомбы. Когда запас бомб иссяк, самолёты заходили и атаковали вновь и вновь, простреливая лес и овраги из пушек и пулемётов. Народ разбежался по лесу. Многие так и не вернулись назад. То ли побило их, то ли разбредлись, уже не надеясь на командиров.

Не досчитался и Отяпов в своём отделении троих бойцов. Вписал их фамилии в бумагу, выданную старшиной роты, а тот внёс в список безвозвратных потерь. Все трое остались на высоте, там их упокоили немецкие пули. Гусёк — в полевом госпитале. Так что Отяпов сразу осиротел. Привык к Гуську, к тому, что этот весёлый и простоватый парень всегда под рукой. После боя на высоте остался с Лапиным и Курносовым. Вот и всё его отделение.

На ночёвку остановились в глухом овраге. Хорошо, что разрешили разжечь костры.

Пришёл ротный, посмотрел на них, сидящих возле костерков, покачал головой и снова куда-то пропал. Хорошо, что хоть взводный всегда был рядом.

Вокруг лейтенанта их оставалось двенадцать человек. Вместе с противотанковым и пулемётным расчётами. Ни ружья, ни пулемёта взвод не бросил, хотя бегали много. Второй расчёт погиб — мина попала прямо в их окоп, когда сидели на высоте.

На третьи сутки пришёл незнакомый полковник и сказал, что он будет их выводить и что в группу прорыва нужны автоматчики. Увёл из роты троих автоматчиков, в том числе и Курносова.

Группа прорыва начала строиться на южной опушке леса. Остальным приказали ждать. Как только они прорвутся — за ними.

Прибежала Лидя:

— Раненых приказано оставить.

Глаза заплаканные, губы то ли растрескались до крови, то ли иссушала.

— Как оставить?! — Отяпов чувствовал, что что-то должно произойти такое, что, пожалуй, похуже окружения и гибели в этих проклятых болотах и чего на войне он ещё не испытывал. — А ну-ка, рассказывай, как туда пройти.

— Куда ж вы пойдёте, дядя Нил? Там, может, уже немцы.

— Далеко от складов они лежат?

— Рядом. Западнее, первый овраг, — и словно подтолкнула его: — Гусёк ваш там. Там он, дядя Нил. Я его видела.

Отяпов бежал так, как даже от немцев не бегал. Стёжка к госпиталю была хорошо натоптана. Даже не одна. Он бежал по санному следу и вскоре увидел то, что осталось от артиллерийских складов. Боеприпасы, видимо, все вывезли. Пока сидели в окружении, артиллеристы израсходовали остатки запасов. Кругом валялись пустые ящики, несколько конных передков без колёс. А дальше санный след превращался в серое, в кровавых бинтах, месиво, скопище ползущих и ковыляющих людей. Одни двигались по дороге. Другие расплзались по лесу. Это были раненые. Стоял невообразимый стон, крик, брань и проклятия.

— Гусёк! — закричал Отяпов. — Ты где, Гусёк?

Лица, которые нескончаемой чередой мелькали перед ним, были чужие, заросшие щетиной, злые.

Господи, ужаснулся Отяпов, да как же это раненых-то бросили...

Кто-то ухватил его за валенок. Отяпов машинально отдернул ногу. Господи, что ж это?.. Где Гусёк?

— Гусёк! — снова закричал он, раздирая морозным дыханием горло.

Вокруг хрипели чужие голоса.

Он спрыгнул в овраг. Раненые здесь лежали правильными рядами на подстилке из еловых лапок. Сверху прикрыты одеялами и шинелями.

Гусёк лежал возле большущей ели. Сучья у ели были обрублены снизу. Видимо, пошли на подстилку.

— Гусёк! Что ж ты лежишь? Надо уходить!

Гусёк плакал. Слезы бежали по его грязным щекам блестящими дорожками и дымилась.

— Ты за мной, дядя Нил?

— За тобой, за тобой, сынок.

Отяпов освободился от винтовочного ремня, перекинутого через голову.

Рядом с Гуськом лежал пожилой боец с артиллерийскими петлицами. Ноги его были укутаны. Сквозь одеяло сочилась кровь.

— Что, за сыном пришёл? — сказал он тихо.

— За сыном.

Слава Богу, Гусёк был жив. Лида сказала, что осколок вынули. А значит, была операция. Отяпов знал, что после операции тревожить человека нельзя. Но как же тут не тревожить?

— Слышь, браток, ты меня... такого... не оставляй,— артиллерист смотрел на него глазами человека, который уже знал свою судьбу до конца.

— Как же я вас двоих-то понесу?

— Ты носи его. Он молодой, ему ещё жить и жить. А меня... — артиллерист указал дрожащим пальцем на винтовку, которую Отяпов сунул прикладом в снег, и она теперь стояла послушно рядом с ним, как живая.

— Что ты? Я такое не смогу...

— Сможешь. Бросить нас смогли. А стрелять — легче. Поверь мне, легче. Я стрелял. В октябре, под Вязьмой. Так что давай.

— Да у меня и патронов-то нет,— стал отговариваться Отяпов, чувствуя подступающий ужас и власть неподвижного взгляда артиллериста.

— И меня,— вдруг послышалось из-под другой шинели.

— И меня...

— И меня...

Он завернул Гуська в одеяло, перекинул его через плечо и, опираясь на винтовку, как на посох, трюшком побежал вдоль оврага назад, к артиллерийскому складу, к дороге. Голоса оставшихся в овраге ещё долго гудели в голове, догоняли его, стучали в затылок.

В стороне леса, где осталась рота и где незнакомый полковник собирал автоматчиков в группу прорыва, слышались стрельба и хлопки гранат. Значит, пошли.

Отяпов пересёк дорогу и зашагал напрямую, по глубокому снегу. Так, казалось, ближе до южной опушки. Может, всего с километр.

Гусёк потяжелел. Похоже, он был без сознания. Но тёплый. Значит, живой, с надеждой думал о своём боевом товарище Отяпов. Через одеяло он чувствовал его живое тепло.

В стороне санной дороги заурчал мотор. По звуку — немецкая танкетка. Отяпов присел, прислушался. Так и есть — танкетка. Как Бог его отвёл от дороги?..

Там закричали нечеловеческим криком. Танкетка взревела мотором, понеслась в глубину леса. Давит, гад, догадался Отяпов. Такое он уже видел, когда от Брянска бежали к Туле.

Силы ещё были. Он лез по глубокому снегу, тащил свою ношу и чувствовал, что этот километр он пройдёт без остановки и отдыха.

Так и вышло. Но когда он вернулся в знакомый лес, где оставил свой взвод и Лиду, никого живого там не нашёл. И лейтенант с остатками взвода, и рота, и полк — все ушли. В затоптанном снегу лежало только с десяток убитых. Рядом валялись их винтовки. Подсумки на убитых расстёгнуты и пусты.

Следы вели в одну сторону. Отяпов пошёл по ним. Куда ушёл полк, туда надо и им. Куда же ещё?..

На опушке лежало ещё несколько трупов. Все — головой туда, куда ушёл в прорыв полк.

Дальше он решил идти не по луку, а лесом, вдоль опушки. Так безопасней. Хотя глубокие и уже смёрзшиеся тропы в снегу манили тем, что передвигаться по ним было значительно легче, чем по целику.

Так он прошёл ещё с километр.

Стрельба уходила правее и дальше. А он, держа вдоль опушки, поворачивал в тишину. Впереди было тихо. И там же, впереди, светился прогал. Узкая поляна, уходящая в глубину леса. Видимо, лесной покос. Или просека. А может, дорога, воробьём вострепелулась в груди надежда.

Обходить её Отяпов не стал. Слишком далеко. Силы надо было беречь.

Когда он вышел на просеку, почувствовал, что он тут не один. За ним кто-то внимательно наблюдал. Чужой. Внутри похолодело. Отяпов оглянулся и посмотрел из-под своей ноши в глубину просеки. На густой сосне сидел человек. Сидевший был замаскирован сосновыми ветками и куском белой материи. Но опытный взгляд охотника разглядел его среди маскировки. «Кукушка». Снайпер. Или наблюдатель. Что тут делать наблюдателю? В белом маскировочном халате. Человек смотрел в бинокль. Смотрел на них. На то, как один тащит другого, опираясь на винтовку, словно на посох.

Когда же он выстрелит, напряжённо думал Отяпов. Вот сейчас... Сейчас... Самое время... Ещё шаг... Ещё два... До леса шагов пятьдесят, а по такому снегу — ещё больше. Сейчас...

Немцы так и не смогли запечатать «котёл» со всех сторон сильными отрядами с артиллерией и танками, как они умели это делать в подобных случаях. Часть окружённых числом до полка организовала прорыв, смела пехотный взвод с тремя пулемётами и ушла в сторону основной обороны.

Чтобы тем же маршрутом не воспользовались оставшиеся мелкие группы и одиночки, по периметру коридора были оставлены снайперы. На большее сил и средств пока не хватало.

Обер-ефрейтор гренадерской роты Норберт Франке занял свою позицию ещё утром, до появления русских. Когда иваны повалили сплошным валом через открытое пространство, он буквально за две-три минуты расстрелял обойму. Но другую заряжать не решился. Пять пуль он выпустил точно, без промаха. Пять иванов споткнулись, выпали из потока и теперь лежали на затоптанном снегу, медленно покрываясь сизым инеем. Вполне достаточно для того, чтобы сегодняшнюю охоту считать удачной.

И когда на просеку вышел ещё один иван со своим полуживым товарищем на плече, обер-ефрейтор задумался. Винтовку он зарядил. Но стоило

ли добывать этих бедел, опоздавших в прорыв? Всё равно они далеко не уйдут. Замёрзнут в каком-нибудь ближайшем овраге. Останутся на отдых и замёрзнут. Задремлют от усталости и потери сил и замёрзнут. Скульптуры отдыхающих иванов, пытавшихся выбраться из окружения и присевших в овраге на пару минут, он видел уже не раз.

Норберт Франке поднял к глазам бинокль и начал внимательно рассматривать бредущих.

Раненого нёс коренастый красноармеец лет сорока. Раненый был завёрнут в одеяло. И это показалось старшему ефрейтору весьма трогательным. Такого он ещё не видел. Разведка сообщила: там, в лесу, иваны устроили госпиталь, раненых много, больше двух тысяч. Но санитарного обоза во время прорыва Норберт Франке не наблюдал. Значит, раненые брошены. Большевики делали это и осенью прошлого года. Жутко было смотреть.

А этот тащит. Должно быть, уверен, что дотащит. Кто они друг другу? Возможно, никто. В окопах месяц назад познакомились, стали товарищами. Обычная история.

Однажды Норберту тоже пришлось тащить на себе раненого напарника. Наблюдателя. Случилось это в ноябре, на Оке. С тех пор он ходит на охоту один. Раненого товарища бросить невозможно. Даже если у самого сил нет.

Коренастый словно что-то почувствовал. Начал оглядываться. Конечно, почувствовал. Вот оглянулся в его сторону, и Норберту Франке показалось, что взгляды их встретились.

Если сейчас он бросит раненого и схватится за винтовку, я прикончу их обоих, подумал обер-ефрейтор Франке. Тогда эти два ивана закроют ровно две дюжины. Хороший счёт.

Своего напарника он тогда донёс до лазарета. За что и был повышен в звании.

Нет, русский не думает стрелять. Должно быть, понял, что это бессмысленно. Неужели он рассчитывает на моё великодушие? Тащит, не бросает... Что ж, как видно, и иванам не чуждо чувство фронтового товарищества...

Обер-ефрейтор Франке продолжал наблюдать в бинокль за бредущими целями. Он всё ещё не решил до конца, как ему поступить.

Через несколько минут, когда русские исчезли среди берёз, он подумал уже о другом: внизу, под сосной, был прикопан в снегу его ранец, в котором лежали кусок колбасы, хлеб и термос с горячим кофе. Это теперь занимало больше. Такова сущность солдата. А Норберт Франке был солдат. И, как он считал, хороший солдат. Именно такими, как он, был силён рейх, и теперь весь мир трепещет перед его марширующими железными колоннами. Остановка перед Москвой временная. Конечно, временная.

Отяпов вышел к своим, когда уже совсем стемнело.

Бредущих по дороге окликнул часовой. Отяпов ответил, что такого-то полка, что выходит из окружения... Часовой, к счастью, не выстрелил. А мог бы сперва выстрелить, а потом окликнуть. Оказалось, вышел на позиции соседней дивизии, которая в окружение не попала. Часовой был предупреждён, что на этом участке возможен выход мелких групп и одиночек. Потому и не выстрелил.

Ночью пришла санинструктор и осмотрела Гуська. Поменяла повязку. Сказала, что всё хорошо, но раненого надо отправлять в тыл как можно скорее.

Утром пришли сразу несколько человек. Отяпов помогал погрузить Гуська в санитарные сани. Попрошлся. Сказал:

— Ты, Гусёк, давай поскорее выздоравливай и — назад, в свою роту. Понял?

— Понял, дядя Нил, понял. Ребятам привет передавай.

— Передам, — ответил Отяпов, а сам подумал: хорошо, если кто-то остался...

Лейтенант, который тоже хлопотал на погрузке раненого Гуська, остался возле землянки. Санитар и санинструктор уехали.

— Ну что, сержант Отяпов, Нил Власович... Я правильно называю ваше имя? — спросил его лейтенант.

— Правильно, товарищ лейтенант. Я и есть: Отяпов Нил Власыч, сержант, командир первого отделения второго взвода седьмой роты...

— Пройдёте, — перебил его лейтенант и кивнул в сторону землянки. — Пройдёте для беседы.

— Для какой беседы? — спохватился Отяпов и вдруг всё понял: на лейтенанте были краповые петлицы с золотым кантом — оsobит.

Когда входили в землянку, Отяпов подумал: винтовку не отнял, значит, арестовывать не будут...

Он догадался, что лейтенант будет спрашивать о капитане Титкове, и уже приготовился врать правдоподобно, так что комар носа не подточит: ничего, мол, не видел, ничего не знает, а о комбате узнал, когда закричали, что он убит...

Но лейтенант его спрашивал о другом — о выходе из окружения. О том, кого из командиров видел живым или убитым и при каких обстоятельствах. О госпитале. О маршруте выхода и о том, какие немецкие части преследовали их. Исписал тетрадный лист, дал ему прочитать, а потом сказал, чтобы подписал, что, мол, с его слов записано верно.

— Всё? Подписали?

— Подписал, — послушно ответил Отяпов.

В голове гудело, словно от вернувшейся контузии: что ж я только что подписал — может, приговор себе?

— Ну, раз подписали, то пойдёте.

— Куда? — и Отяпов вновь посмотрел на винтовку. Винтовку не изымали.

— Наверняка проголодались, — сказал особист. — Тут недалеко полевая кухня. Каши горяченькой... И я с вами...

— Коли так, товарищ лейтенант, — осмелел Отяпов, — то я со всей красноармейской готовностью.

Надо ж, думал Отяпов, обжигаясь кашей, пахнувшей тушёнкой и лавровым листом, до чего разные люди на войне попадают...

Глава двенадцатая. В разведке

К весне, когда полк встал в глухую оборону и роты успели отрыть полнопрофильные траншеи и землянки на каждое отделение, вернулся из госпиталя Гусёк.

Рёбра его срослись, нога тоже зажила. Так что вернулся он в роту весёлый и даже слегка поправившийся на тыловых харчах.

Вечером он пришёл в землянку, занял крайнюю лежанку. Бросил под голову свой вещмешок и тут же уснул, как засыпают дома, где твой сон оберегают близкие тебе люди, а стены вокруг нерушимы.

Утром, всем третьим отделением, они уже стояли возле штаба полка и слушали приказ.

Где-то за Варшавским шоссе, за рекой Угрой, выходила из окружения западная группировка 33-й армии во главе со своим командующим генералом Ефремовым. По последним сведениям, прорыв группировки не удался. Часть войск повернула назад, к Вязме, и сейчас плутает по лесам. Часть рассеяна в лесных массивах в районе Юхнова, Знаменки и Выходов. Это означало, что некоторые группы плутали и по их фронту, только с той стороны.

— Товарищи бойцы! — внушал им храбрость пнш дивизии по разведке капитан Маслаков. — Мы направляем вас, самых лучших и самых бывалых, за линию фронта. Необходимо разведать безопасные проходы, связаться с группами окружённых бойцов и командиров тридцать третьей армии и выводить их по этим коридорам. Командиры групп получили подробные инструкции. Желаю успешного выполнения поставленной задачи и возвращения назад! Отличившиеся будут представлены к правительственным наградам!

То, что окружение — дело поганое, почти все они испытали на собственной шкуре.

За Варшавкой гремело с февраля. Несколько раз и их дивизия пыталась прорваться туда, чтобы выручить окружённых. Но немцы через шоссе их не пропускали. Не выпускали никого и оттуда. «Котёл», в котором оказались западная группировка 33-й армии и часть воздушно-десантного корпуса, немцы запечатали плотно. И вот, как оказалось, дожали они 33-ю...

Дивизия, в которой воевал ефрейтор Отяпов со своими товарищами, занимала оборону вдоль Варшавского шоссе фронтом на север. Шоссе контролировали немцы. И вот штаб дивизии,

должно быть, выполняя приказания вышестоящих штабов, посылал на помощь окружённым пять разведгрупп.

Поскольку из лейтенантского состава в роте остался только один ротный, разведгруппой поручили командовать Отяпову. К тому времени приказом по полку ему присвоили звание старший сержант и назначили на должность помкомвзвода. Взводного, младшего лейтенанта, присланного к ним месяц назад, убило во время последней атаки на деревню Заболонку. Немцы там держались крепко, построили несколько блиндажей, дома перестроили в доты и жили себе не тужили, с лёгкостью отбивали очередную атаку и улучшали свою оборону. Вот там и оставил второй взвод седьмой роты своего последнего лейтенанта. Другого не присылали. И взводом временно командовал старший сержант Отяпов. Слава Богу, в наступление на эту распроклятую Заболонку их больше не поднимали.

Но хрен редьки не слаще, и вот — в разведку.

Отяпов отобрал самых надёжных.

Где-то там, за Варшавкой, западнее Вязьмы, в Семлёвских лесах, была его деревня. До неё они, конечно, не дойдут. До Отяпа отсюда было километров шестьдесят-семьдесят. Даже если напрямую, через лес. А им приказ: глубже десяти-пятнадцати километров от линии фронта не заходить. Кружить по ближнему тылу, так как окружённые, по данным авиаразведки, были распылены мелкими группами именно здесь, в непосредственной близости к фронту.

Заболонку и окопы немецкого опорного пункта они обошли правее, оврагом. Там у них был брошенный дот. Зимой он контролировал овраг. Но месяц назад соседняя восьмая рота добралась до того дота. Пулемётчиков забросали гранатами, а сапёры взорвали само сооружение. И немцы больше его не восстанавливали. Похоже, и у них тоже после зимних боёв народу в ротах поубавилось порядочно. А поскольку пополнения не наблюдалось, они сжимали свою оборону вокруг опорных пунктов.

Так что линию фронта разведчики прошли благополучно.

Три группы входили правее Заболонки, две — левее. Все прошли тихо, без стрельбы.

Через километр, в лесу, разведгруппы разошлись — каждая по своему маршруту.

Кусок карты лежал, аккуратно сложенный вдвое, за отворотом телогрейки. Днём во время инструктажа командиров групп капитан Маслаков хорошо отточенным немецким штыком прямо на столе разрезал карту и каждому вручил квадрат, на котором синим карандашом был отмечен маршрут действия.

Образование у Отяпова было не ахти какое — три класса школы крестьянской молодёжи. Да и учился

через пень-колоду. Одну зиму и вовсе пропустил. Когда помер отец, надо было отработать трудов... Хорошо, не исключили его тогда из шкм. Но карту читать умел. Хорошо ориентировался на местности и мог в два счёта нарисовать схему в масштабе. Этой штабной премудрости научил его командир взвода, когда они стояли в обороне под Брянском. И вообще, как заметил Отяпов, военное дело давалось ему на удивление легко.

Владея этой командирской премудростью и куском карты, он был уверен, что, если его ребята нигде не сплхуют, он за сутки-другие проведёт их по намеченному капитаном Маслаковым маршруту и благополучно выведет назад. А уж если посчастливится разыскать окруженцев, то найдёт безопасную тропу и для них.

Первой деревней на карте значилась Ямщики. Её надо было обойти. Слишком близко она стояла к линии немецких окопов, отрытых зимой вдоль шоссе и до километра в глубину на север. Окопы имели несколько линий. Заняты были не все. Это Отяпов знал по прежним разведкам. Но кто его знает, может, сейчас, когда под Вязьмой и Знаменкой им удалось, наконец, сдавить блуждающий «котёл» западной группировки 33-й армии и десантников, немцы заняли и этот рубеж. Чтобы не выпустить окружённых, которые, понятное дело, из лесов на той стороне стремились прорваться на юг, к Кирову.

Снег в лесу ещё лежал. Ночью прижало морозцем. И—хорошо. Шли по проталинам, и следа за ними почти не оставалось. Если только внимательно присматриваться, можно было догадаться, что здесь, в непонятном направлении, прошли несколько человек—двое или трое, не больше.

Отяпов вёл шестерых. Сам—седьмой. Гусёк с автоматом шёл замыкающим. Иногда он догонял их, потом снова отставал, двигаясь то немного правее, то левее. Эту службу он знал хорошо. Ноги быстрые, глаз острый, рука скорая, автомат почищен, о трёх запасных дисках в вещмешке.

Вперёд Отяпов выслал двоих—Курносова и Лапина. Они в последнее время сдружились. Вместе в карты играли. То на патроны, то на портянки. Курносова вначале забрали в роту связи, но вскоре он оттуда вернулся. Вернулся не просто так, а с позором—разжаловали за мародёрство. Случилось вот что. Поручили ему вести двоих пленных немцев до штаба полка. А он их дорого хорошенько обобрал—сапоги, зажигалки и прочее. В штабе полка всё это дело выяснилось. Воевал теперь в пехоте рядовым бойцом.

Отяпов был рад возвращению Курносова в родную седьмую роту. Такого надёжного товарища на фронте не вот встретишь. Но чувствовал, что эта командировка Курносова в стрелковую роту долго не продлится. Связист—специальность редкая. Подержат месяц-другой и заберут назад.

Гридников и двое калужских шли следом за Отяповым. Гридников нёс ручной пулемёт. Все остальные, кроме Отяпова, были вооружены автоматами ППШ. Отяпову тоже давали автомат, но он брать его не стал. Месяца полтора назад к ним на позиции с той стороны вышли кавалеристы. Шесть человек. На конях. Кони худые. Сами тоже выглядели неважно. Так у одного из них Отяпов за пачку табаку выменял карабин. Карабин был покорооче винтовки, полегче, с ним было удобней ворочаться в траншее и ходить по лесу.

Вторым по пути следования был хутор Комариха.

Что за хутор, Отяпов не знал. Сюда они ни разу не заходили. Обычно разведка так глубоко не забредала. Переходили через шоссе, маскировались возле какой-нибудь ближайшей деревни или на пересечении дорог и вели пассивное наблюдение. Один раз брали «языка». Взяли часового на краю деревни. За него и получил ещё один «секелёк» в петлицы и несколько наградных пачек махорки. Одну потом и выменял на карабин. Так что личная польза Отяпову от того захваченного «языка» оказалась большой. Махорка постепенно разошлась, а карабин вот остался.

Хутор Комариха оказался небольшим, как и все здешние хутора. Три двора, три усадьбы. Стояли они особняком, просторно, одна от другой метров на пятьдесят-восемьдесят.

Когда Отяпов подошёл к ожидавшим его на опушке Курносову и Лапину и, раздвинув еловые ветки, посмотрел на Комариху, то, прежде чем сверить увиденное с картой, невольно залюбовался тем укромным простором, в каком жил-пребывал этот небольшой лесной хутор.

Дворы с надворными постройками расположились по склонам оврагов, которые сходились в середине, образующая небольшое озерцо. По берегам озерцо густо заросло кудрявым дымчатым ивняком и камышом. А по склону от воды до огородов—берёзовая рощица. Молодые берёзовые срутки, снизу уже почерневшие, а вверху ослепительно-белые в утреннем мареве, будто выбегали из воды к дворам. Вокруг десятин сорок пашни. Часть пашни запущена под луг. Так бы и зажил на таком хуторе, захозяйствовал на воле...

Стали совещаться, кому идти на хутор. Решили так: на опушке остаются Гридников с калужскими, при пулемёте, с задачей вести наблюдение за хутором и дорогой, ведущей в эту самую Комариху; в случае необходимости огнём прикрывать отход основной группы в сторону леса.

Шли оврагом. Стёжки здесь были уже натоптаны. Пахло весенней разбуженной землёй и близким жильём. Никакой войны здесь, в окрестностях этого хуторка, не чувствовалось и в помине. Даже далёкая канонада казалась чем-то невоенным—то ли раскатами грозы, то ли тяжёлыми работами,

которые кто-то вёл за лесом в стороне Варшавского шоссе. Севернее же, к Вязьме, и вовсе стояла тишина.

— Стой, — Отяпов поднял руку. — Дальше я пойду один.

И он жестом указали им занять позиции за деревьями и наблюдать за крайним двором, к которому они подошли вплотную.

Отяпов прошёл вдоль берёзовой загородки, стараясь не ступать на подтаявший с утра снег. На лугу его следы были совсем не видны. Кое-где под ногой хрупал ледок. К полудню совсем отпустит, подумал он. Если бы ночами не прижимало, овраги бы уже превратились в реки, и тогда их путь значительно бы осложнился. Но разлив ещё не начался. Лес держал снег. Хотя поля уже чернели частыми залысынами.

Карабин он закинул за спину по-охотничьи, стволом вниз. Так он был почти незаметен. Толкнул дощатую калитку, ведущую во двор, и нос к носу столкнулся с женщиной — как потом выяснилось, хозяйкой.

Она испуганно ойкнула и отступила в сторону, под навес, где рыжели остатки недобранного сена и торчали вилы с коротким, отшлифованным до костяного блеска навильником.

— Доброго здоровья, хозяйюшка, — тихо сказал он и приложил палец к губам.

— Ну-ну, — не сразу ответила она. — Откуда ж ты такой? Не похоже, чтобы из лесу...

— Чем же не похож?..

— Те, которые из лесу, бородатые да голодные, — уже вольнее и спокойнее заговорила хозяйка, — а ты вон выбрит, одет хорошо. Да и на голодного не похож.

Как выглядят голодные, Отяпов знал по брянскому окружению. У голодного человека глаза блестят, как у зверя.

— А что, заходили? Из леса...

— Заходили. Они теперь везде бродят. В лес не выйдешь...

— Страшно, что ли?

— Страшно, — она ещё раз внимательно окинула его взглядом и сказала: — Ну, проходи в дом. Начинаешь издали, значит, не на минутку забежал...

А баба смышлёная, подумал он, переступая порог.

В сенях пахло коровьим навозом и молоком. Было темно. Но Отяпов догадался, что корова стояла здесь же. Хлев был прирублен к сеням и подведён под одну крышу. Так делали только хорошие хозяева, у кого в доме был не только мастеровитый мужик, умевший держать топор в руках, но и достаток. У них в Отяпах таких дворов было пять-шесть, не больше. Остальные жили победней.

— Что, отелилась? — спросил он, заглядывая в закут.

— На прошлой неделе, — ответила хозяйка, и голос её вздрогнул и посветлел.

— Кого ж? Бычка? Иль тёлочку?

— Тёлочку, — усмехнулась она, но тут же насторожилась. — Уж не за ней ли ты пришёл?

— Тёлочку... Это хорошо. Если тёлочка, то, значит, скоро конец войне, — будто не поняв её беспокойства, сказал он.

— Как же... Что-то вы наступаете медленно. Полгода уже прошло, а всё гремите где-то за лесом.

— А ты как поняла, что я из Красной армии?

— Как поняла... Поняла. Есть-то будешь?

— Я не один.

— Понятно.

Эх, какой родимый дух охватил Отяпова, когда он оказался в горнице, в малой половине дома, где стояли русская печь, стол под наполювину занавешенной божницей, лавка у окна. Словно и вправду оказался вдруг дома. Закрой глаза — и из-за занавески выйдет Анна с горлачом свежего молока в руках... Да, вспомнил он недавнее, не зря сон тот снился, с женщиной.

С печи свесились детские головки. Лохматые, льняные. Числом четыре.

— Вот какой у тебя, хозяйка, отряд, — кивнул он и попытался улыбнуться.

Дети с любопытством и насторожённо смотрели на него. По их глазам можно было понять, что от незнакомцев здесь добра не ждали.

— А муж где? — спросил он.

— Известно, где нынче наши мужья. Воюет тоже где-то. Ещё прошлым летом как ушёл, так ни письма, ни весточки...

— Кто ещё на хуторе живёт? Немцев нет?

— Немцев, слава Богу, нет. Последний раз приезжали ещё зимой. За курями. А полицейский есть. Но он свой, зла никому не делает.

Вот так. Значит, с полицией живут в мире и согласии. Что ж, и такое бывает.

— Свой, говоришь? Местный? Или в зятях?

— Свой.

— Где ж он сейчас?

Хозяйка подошла к окну и сказала:

— А вон он идёт.

Рывком отворилась дверь, и в проёме показались двое: Лапин подталкивал вперёд здоровенного парня в чёрной шинели и кавалерийской портуpee.

— Начальника привёл. Новая власть, — хмыкнул Лапин. — Что будем с ним делать, командор?

Хозяйка оттолкнула Лапина и сказала:

— Не трогайте его. Если бы не Игнат, казаки давно бы хутор сожгли.

— Отпусти его, — приказал Отяпов.

Полицейский одёрнул шинель, поправил портупею и подобрал с пола шапку. Оружия при нём не было.

— Винтовка где? — спросил Отяпов.

— Дома,— ответил полицейский и вдруг сощурился, спросил:— А вы кто? Красная армия? Или другая?

— Красная. Другая там, в Вязьме. Германская. Которой ты служишь.

— Я ей не служу.

— А повязку чью носишь?

Полицейский, видимо, понял, что положение его сложное. Во-первых, непонятно, кто они. Разведка с той стороны шоссе? Казаки? Окруженцы? Партизаны? Нынче кто угодно может забрести на хутор Комариха.

— Ладно. Поговорили. Пойдёшь с нами,— Отяпов встал, закинул за плечо карабин.

И заметил, что полицейский не сводит глаз с его петлиц.

— Ксюш, ты им про полковника ничего не говорила?— сказал вдруг полицейский.

— Нет,— ответила та.

— Тогда пойдёмте. Надо сказать.

Пошли.

Полицейский привёл их на соседнюю усадьбу. Кивнул в сторону бани, стоявшей на задах:

— Там. Ему нужен врач. Срочно. Ни немцы, ни казаки сюда носа не суют. Участок мой. Но без врачебной помощи он долго не протянет. При нём медсестра. Или фельдшер. Но от ней толку мало. Так, перевязать, обиходить— да. А полковнику срочно нужна операция.

В бане, накануне, видимо, протопленной, пахло умирающим.

Человек, которого полицейский называл полковником, лежал на деревянном топчане, застеленном каким-то тряпьем.

На печном плече стояла керосиновая лампа с осколком стекла. Свет от неё шёл скудный. Но немного погода вошедшие привыкли к подслеповатой темноте банного пространства и разглядели и лежащего в углу на топчане, и сидящую над ним женщину в армейской гимнастёрке. Женщина встала навстречу, поправила гимнастёрку и ремень.

— Вот,— указал на неё полицейский,— предлагали ей переодеться, а она— ни в какую.

На её гимнастёрке Отяпов разглядел петлицы лейтенанта медицинской службы.

Полицейский отодвинул лавку, приподнял половицу и вытащил из подпола мешок с какими-то вещами. Лапин перехватил у него мешок, вытряхнул содержимое на пол: хромовые сапоги с высокими кавалерийскими голенищами, шаровары с малиновым кантом, гимнастёрка с четырьмя шпалами, кобура с тт.

— А вот, командор, и бирка его. Похоже, и правда полковник,— и Лапин подал Отяпову удостоверение личности.

— Товарищ полковник,— мгновенно выпрямился Отяпов, вдруг сообразив, что перед ним старшие

по званию и положено доложить о прибытии,— разведгруппа в количестве...— но осёкся и, видя, что раненый не открывает глаз, да и не слышит, должно быть, его доклада, посмотрел на лейтенанта медицинской службы и сказал:— Как вы сюда попали?

— Мы из сто шестидесятой дивизии,— ответила она. Глаза её тоже блестели блеском нездорового человека.— Западная группировка тридцать третьей армии. Слыхали о такой?

— Слыхали. За вами и пришли.

Она встрепенулась.

— Мы пробивались в сторону Варшавского шоссе. Надеялись найти партизан. Вот, Ивана Мефодьевича ранило на большаке. Основная группа ушла, а нас оставили. Сказали, что за нами вернуться.

— Сколько человек в группе?— спросил Отяпов.— И в каком направлении ушли?

— Двадцать семь человек. Повёл их капитан Забельский из артполка. Ушли в сторону шоссе. Три дня назад. Ивану Мефодьевичу с каждым днём всё хуже и хуже. Мне кажется, я не в силах ему помочь.

— Куда его?

Лейтенант отбросила одеяло. У полковника были перебиты обе ноги. Одна повязка была наложена выше колена, другая ниже.

— Как же мы его понесём, командор? Нам с таким в дороге— вилы. Смотри, косяк с ним не запори...

Вот тебе и косяк, подумал Отяпов. А нести полковника надо. Не бросишь.

День просидели на хуторе. Обстоятельства складывались так, что дальше на восток, куда им приказывала двигаться синяя линия штабного карандаша, идти было незачем. Капитан Маслаков, чертивший ту линию, во время инструктажа ясно дал понять: если во время движения обнаружится встречная группа из состава 33-й армии, тут же поворачивать назад и выводить её в расположение дивизии. В первую очередь спасти комсостав. Выносить документы и архив, если попадётся штабная группа.

Санинструктора звали Марией. Лет двадцати пяти, худая, с синими кругами под глазами. Несладко, видать, жилось им в окружении. С февраля— два с половиной месяца. Рассказала: последнее время питались в основном кониной, вытянувшей из-под снега. А перед прорывом каждому выдали последний сухпаёк— по горсти овса или пшеницы, кому что досталось. Раненых побросали в Шпырёвском лесу. Прорыв не удался. Прорвались только передовые группы. Где они теперь, неизвестно. Видимо, все погибли. А их— обозы, госпитали— отсеки, загнали обратно в Шпырёвский лес и начали добывать из миномётов. Потом по просекам пошли танки и пехота... Их небольшая группа, как рассказала Мария, человек пятьдесят, пошла на прорыв прямо на деревню. Деревню

удерживали немцы. Но немцев было немного, и прорыв оказался удачным. Заняли деревню. Захватили полевую кухню. Пока бойцы очищали котёл, немцы контратаковали. Многие погибли именно в тот момент. Надо было сразу уходить, но голодные бойцы навалились на кашу...

— Думаю, что человек пятнадцать попали в плен, — рассказывала Мария. — Когда немцы вошли в деревню, они не могли оторваться от котла... — и вдруг спросила, глядя Отяпову в глаза: — Вы думаете, мы выйдем?

— Выйдем, Маша, выйдем, милая. Ты, главное, за полковником присматривай. Дорога разведана. Путь свободен. Ночью пойдём. Игнат-то... как он? Надёжный?

— Да если бы не он, товарищ сержант!..

— Ты зови меня просто — дядя Нил. Как вон Гусёк. Я ж тебе по возрасту — в отцы... И наш солдатский устав нынче такой — благополучно выйти к своим и живым доставить твоего командира в наше расположение. Так?

— Так, дядя Нил.

— Ну вот. А сейчас забирай наши лекарства, которые есть. Смотри, что надо, и пользуй больному. И ещё, Машенька... Такой уговор: в пути всякое может случиться, а ты тогда ребят без медицинской помощи, так сказать, не оставляй. Сумка с медикаментами будет при тебе. А Игнат, ты говоришь, человек надёжный?..

— Надёжный. Он не выдаст. Пока мы тут жили, он два раза в комендатуру ездил. В Знаменку. По своим делам. Но ведь не выдал же.

— Я ему винтовку вернул. Пусть ходит с винтовкой. И патроны отдал. С нами он пойдёт. Вот что я решил. Но ему пока об этом не говори. И коня его возьмём. На носилках полковника не донесём. Тяжело. Замешкаемся в пути. Опасно... Это я тебе сказал, чтобы ты была спокойна. Но, пока не выступили, молчи.

После полудня на хутор прискакал верховой. Гусёк, дежуривший на околице и поднявший тревогу, разглядел всадника: в чёрной кубанке, в армейском полушубке и синих штанах с красным казачьим лампасом.

— Это — ко мне. Посыльной от атамана Урганова, — пояснил Игнат и кивнул в сторону бани. — Сидите там. Он долго не пробудет. Стакан самогона выпьет, закусит — и обратно в Городню.

Немецкая комендатура находилась в Знаменке. Но ближе, в Городне, стояла казачья сотня атамана Урганова. Она-то и держала здесь власть и порядок. Раз в месяц Игнат возил в Городню баранью тушу или связку кур. Последний выход обошёлся полупудом сала. Так и откупался хутор Комариха от уроженцев Луцка, Черновцов и Тернопольщины — салом да самогоном.

— Откуда ж тут казаки, Игнат? — поинтересовался Отяпов, когда посыльный ускакал с хутора.

— Да кто откуда. Из концлагерей. Из Вязьмы да Издешкова. Командует ими донской казак Урганов. Зовёт себя атаманом. Набрал хохлов из концлагерей. И гуляет теперь. Его даже немцы побаиваются. Стараются сюда не соваться. В феврале возле хутора Ивановского перестрелку с ними затеял. Приехали фуражиры откуда-то из-под Смоленска. Там всё пограбили, народ голодный, так сюда приехали. Думали пожить. А атаман Урганов такой порядок держит: партизан здесь, в Городнянской волости, не будет, но чтоб и немцы — ни ногой. Знаменский комендант согласился. У них какой уговор. Урганов тут живёт вольным атаманом. Две бабы с ним. Тоже из лагеря. Ездят на тачанке. Одна — за пулемётом. Другая — под боком. Чтобы не замёрзнуть на своём посту, меняются.

— Хорошо вы тут живёте, — усмехнулся Отяпов и подумал о своих. — А не слышал ли ты, как живёт народ в Семлёвских лесах?

— Там партизаны власть держат. И конники, которые зимой Вязьму пытались брать, тоже туда откочевали. Там советская власть. Там народ голодает. — Ах ты, твою-капитана!.. — взвился Отяпов. — А тут, под немцем, что, не голодаете?

— Мы тут не под немцем, — поправил его Игнат намеренно спокойным тоном. — Мы тут с атаманом Ургановым. Я ж тебе сказал, какой тут порядок. — И ты в его сотне служишь?

— Я не в сотне. Я в самообороне. И моя задача — мост охранять на Городнянском большаке. Вот я его и охраняю. Каждый день туда должен ездить и порядок блюсти. Вот на прошлой неделе поехал и привёз оттуда полковника... Красная армия своего командира бросила, а я его подобрал.

Игнат так и подпирал его своими рассуждениями, так и придавливал, как хоря ухватом к стенке. Что с ним спорить, решил Отяпов. Но и поддакивать не стал. Недолго ему тут, пускай и такому хорошему, с повязкой по хуторам ходить. Двум властям служить не будешь...

Перед самым вечером, когда уже заслезился в оврагах туман, затягивая окрестную даль и горизонт, над хутором пролетел самолёт. Летел он низко, равномерно и ненапряжно урча мотором.

— И что он тут потерял? — проводил его взглядом пулемётчик Гридников.

— Известно что. Разведчик. И в нелётную погоду летает, — Отяпов раздавил возле переносицы слезу. — Вроде бы наш. А там кто его знает...

Весь Западный фронт в эти дни беспокоило одно — вяземская группировка 33-й армии. Командующий войсками фронта генерал армии Жуков отдал приказ: разведывательной авиации армий, стоящих фронтом к Вязьме, полётов не прекращать; кто обнаружит штабную группу командарма Ефремова, будет представлен к званию Героя Советского Союза. Одновременно десятки разведгрупп 49-й, 43-й, 50-й и 10-й армий, а также

восточной группировки 33-й армии, занимавшей фронт в районе Износок, прочёсывали леса в ближайшем немецком тылу в поисках штабной группы генерала Ефремова.

Некоторые разведгруппы так и вернутся ни с чем. Некоторые выведут разрозненные немногочисленные отряды. Некоторые погибнут в стычках с немецкими заслонами, полицейскими подразделениями и карателями, которыми были буквально наводнены в те апрельские дни районы предполагаемых действий. У всех их был один приказ — ликвидация остатков блуждающего «котла» 33-й армии и воздушно-десантного корпуса.

Ничего этого ни старший сержант Отяпов, ни его разведчики, ни санитарструктор Мария, ни полицейский Игнат, конечно, не знали. Они шли по весеннему лесу, уже наполненному птичьим гомоном, и думали только об одном: что там, впереди, за тем оврагом, за ельником, за полем, которое они огибали по березняку, за ручьём, разлившимся за минувшие неполные сутки так, что их вчерашние следы потонули под метровым потоком соловой воды?

Весенний лес покуда ещё берёт их.

Глава тринадцатая. Погоня

В головном охранении шёл сам Отяпов. С собой он взял Гуська и приказал ему держаться немного позади, шагах в десяти-пятнадцати — правее или левее. Это чтобы, в случае чего, им, двоим сразу, не оказаться на линии огня.

Стало темнеть. Сизый сумрак вначале заполнил овраги, потом, казалось, плотнее сдвинул деревья вокруг, а вскоре заполнил и небо.

И в это время сзади, где двигалась основная группа, послышались голоса. Вначале громкие, потом затихли.

Отяпов сделал Гуську знак, чтобы продолжал движение, а сам пошёл назад.

Ещё издали, в густеющих, но ещё прозрачных сумерках, он увидел двух лошадей. Лошади ловили друг друга губами, видимо, радуясь встрече. На одной из них, такой же гнедой, явно не рабочей, кавалерийской, сидела Ксюша. Теперь хозяйка показала ему значительно моложе той, которую он встретил на хуторе. Она сидела в кавалерийском седле как влитая, раскрасневшаяся. Подшальник на плечах. Конь тоже парил сырými боками. — Вот, Нил Власыч, история... — сказал Курносов. — Погоня за нами. Казаки.

Вечером на хутор пришёл отряд атамана Урганова. Тридцать человек. Все верхами. Разделились на три группы. Одни подались на Поповку, другие — на Коростели. А шестеро заночевали в Комарихе.

— Его ищут, — кивнула Ксюша на полковника, которого они кое-как, на досках, приладили к седлу и замотали плащ-палатками, чтобы не растряс

в дороге. — Кого-то из их группы захватили в плен, тот что-то рассказал. На хуторе всё перерыли. Ничего не нашли. Мы сказали, что люди из лесу приходили, но ушли. И с ними раненый пожилой командир. А что было делать? Атаман — человек злой. Если что, и детей не пожалеет. Остановились в нашей хате. Я детей к тётке Арине увела. А сама оседлала Кобчика и — вас догонять. Самогонки им принесла. Пьют-гуляют. Ещё обещала принести. Но больше к ним не пойду — приставать будут.

— Про меня спрашивали? — спросил Игнат.

— Спрашивали. Урганов первым долгом про тебя и спросил: где, мол, Игнат, на мосту его не видели...

Лицо полицейского даже в темноте казалось белее снега.

— Нюрка, старшая моя, — пояснила Ксюша, — такой разговор слышала, что ждать они вас будут утром на Воронóвской дороге и на старом Гурьевском тракте. Нюрку я послала за одеждой. Они ж нас сразу из хаты в баню выгнали. Хозяйvá! Вот пока Нюрка там, за печкой, копалась, у них заседание шло. Из Поповки они собираются ночью на Воронóвскую дорогу повернуть. А те, которые на Коростели подались, к утру должны вас караулить на Гурьевском тракте в лесу. Эти шестеро остались здесь. Ну, всё. Мне надо назад ехать. А то хватятся. Про тебя, Игнат, тётка Арина сказала, что, мол, как на мост днём уехал, так и не ворочался. Имей в виду.

— Поверили?

— Да кто ж их знает?..

Карту Отяпов помнил наизусть. Днём разглядывал, читал названия населённых пунктов и урочищ, запоминал дороги и русла речек и ручьёв. Соображал, какой дорогой возвращаться, где овражки могут разлиться и не пропустить их или задержат плохими переправами.

— От Поповки до большака сколько километров? — спросил он Игната.

— Километров пять. Если лесом, то меньше.

— Выходит, они нас заперли. Часа через три, а то и раньше, они перекроют дорогу.

— Что, командор, вилы? — подал голос молчавший до сих пор Лапин.

— Да погоди ты. Дай сообразить.

Игнат перехватил повод Ксюшина коня:

— Погоди-ка, Ксюш, уезжать, — и сказал Отяпову: — Вот какое дело, сержант: по Воронóвской дороге пройти мы не сможем, они нас там успеют запереть, а вот если выйти на Гурьевский тракт... Есть там в лесу дорога одна, малоезжая... Летом народ сено возит, зимой дрова. На сам тракт не соваться, а проехать этой дорогой. Но там, на перекрестье Гурьевки и Вороновки, стоит дот.

Наши ещё строили, в сорок первом, летом, когда оборону здесь собирались держать. Зимой там немецкий пост был, но потом и они ушли. Кругом лес, до ближайшей деревни пять километров.

Дальше, если на восток, Заболонка. А там и до шоссе рукой подать.

— Не успеем. Если только на лошадях.

— На лошадях и поедем, — Игнат дёрнул за повод. — Ксюш, слезай. Коня приведу. В целости и сохранности. Если сам живой вернусь.

— Кто ж мне нивку пахать будет? Детей мне чем кормить? — закричала женщина, отталкивая стремнем Игната. — Ты моих детей кормить будешь? — Буду, Ксюш. Буду кормить твоих детей. Даст Бог, всё обойдётся.

Женщина ловко прыгнула в снег, швырнула повод Игнату и пошла по тёмной талой стёжке в сторону оврага, откуда они только что выбрались. — Ну, сержант, теперь съмай полковника, и пусть твои разведчики вяжут носилки. А нам скорей надо на Гурьевский тракт. Чтобы дот раньше Урганова занять. Кого со мной отрядишь? Пулемётчик нужен. Или сам поедешь? Ты, я вижу, не особо-то мне доверяешь.

— Я в разведке. За людей отвечаю. И за выполнение приказа. А что касается тебя, Игнат... Не в той ты армии служишь. Вот о чём я думаю.

— Ты видел, в какой я армии служу. Пять баб и двенадцать ребятишек. Как? Хорошая армия?

— Ну, ты на ребятишек не нажимай. Я тоже детский, но этим меня не разжалобишь. Гридников с тобой поедет. С пулемётом. Да и ты автомат возьми.

Условились действовать так: Игнат с Гридниковым сразу же сворачивают в сторону старого тракта и там выбирают на лесную дорогу; следов прятать не будут, чтобы они, идущие за ними, не заблудились.

— Увидите дот, он обочь дороги стоит, справа, — посвистите. Три коротких. Я отвечу так же. Коней мы привяжем в лесу. Там рядом лощина есть. Своего, так и быть, вам отдам. Будет возможность, потом вернёте. А Ксюшиного жеребца заберу. Там, у дота, пути наши разойдутся.

Когда они переложили полковника на носилки, тот застонал. Отяпов подумал: слава Богу, живой ещё...

Понесли. Отяпов разбил группу на пары. Сам взялся за ручки носилок первым. Сзади хрипел и чертыхался Лапин. Чуть погодя Лапин не выдержал:

— Слыхал я, как этот Игнат тебе варганку крутил. Я думал, он так, валет из местных, а он мужик калёный. И ты ему, командор, поверил?

— А ты мне, Лапин, подсажи в помочи кого-нибудь получше этого полицая, и я тогда тебя послушаю. А нет, так помалкивай.

Лапин хмыкнул, покрутил головой и больше не докучал.

Иногда им казалось, что они потеряли след. Но погода, пройдя шагов двадцать-тридцать, на подмёрзшем снегу снова находили тёмные лунки лошадиных копыт и куски разбитого льда.

Полковник то приходил в себя, охал, стонал, то снова проваливался в бред, что-то бормотал, скрипел зубами, командовал.

Что стóит в такой темень полицейскому ускользнуть от своего напарника в лес, где ему знакома каждая кочка? Нырнул в какой-нибудь овраг — и поминай как звали. Но следы лошадей свидетельствовали о том, что Игнат и пулемётчик Гридников шли одной тропой. И постепенно Отяпов стал успокаиваться и верить в то, что Игнат его не обманул.

Выбрались на дорогу. Как объяснял Игнат, от этого поворота и ручья, который пришлось переходить почти вплаве, до дота оставалось два километра. Народ уже заметно устал. Спотыкались, часто останавливались, садились в снег.

Неожиданно левее впереди началась стрельба. Отяпов вспомнил карту: стреляли в стороне Коростелей. Он приказал остановиться. Затихли.

Стреляли из винтовок. Изредка вступал автомат, по звуку — наш, ППШ. Не может быть, чтобы Гридников и Игнат оказались там, возле хутора Коростели. Дорога, которую Игнат называл Старым Гурьевским трактом, шла прямо и выходила на другой большак — Воронóвскую дорогу.

Он выслал вперёд Гуська и одного из калужских. Сами пошли медленнее, с частыми остановками. Слушали лес и то, что приносил им ветер, который, к счастью, дул навстречу.

Стрельба в лесу левее маршрута их движения прекратилась.

Конечно, думал Отяпов, группа выполнила приказ лишь наполовину. Разведку провела неглубоко, весь маршрут, который ей было предписано исследовать, не исследовала. Да и окружённых отыскала слишком малое количество. За такое ни в штабе батальона, ни тем более в штабе полка по головке не погладят. Но надежду вселяло то, что они выносили не кого-нибудь, а полковника. С документами. При оружии. И подчинённая при нём.

Но полковника надо было ещё вынести. И самим выбраться. Судя по рассказам Игната, этот атаман Урганов — настоящий зверь. Местных держал в полном повиновении, продналогом обложил все окрестные деревни, каждый двор. Всё у него было поставлено на учёт и под постоянный контроль. Партизаны в здедших лесах не прижились. Казаки Урганова всякий раз выживали их с местных баз, выдавливали за пределы волостей, подконтрольных казачьей сотне. За те полгода, которые Урганов атаманил в Городне и окрестностях, они устроили три показательных казни. Один раз расстреляли захваченных в лесной деревне семерых красноармейцев. Накануне неподалёку от той деревушки нашли утопленного в болоте казака с разрубленной сабельным ударом головой и споротыми с шаровар лампасами. Вот за него и мстили. В другой раз — двоих партизан. Последним

был расстрел своего — за мародёрство и насилие. При всей свирепости атамана его власть сносили терпеливо — в подконтрольных сотне деревнях и хуторах немцы почти не показывались. За одно это местные прощали ему и его вагажникам многое. — Если ты, Игнат, не крутишь мне бейцалы, как говорит наш боевой товарищ Лапин, то человек ты, выходит, незлой. А вполне даже хороший. Только немного запутавшийся. Что ты делать будешь, когда наши в район придут? С немцами уйдёшь? — Ну, во-первых, никакой я не запутавшийся. В октябре нас на Десне пуганули. Из роты пять человек осталось. Кто убит, кто в плен пошёл. Мы с мужиками — по домам. Все отсюда призывались. А вскоре Урганов объявился: пойдём ко мне в сотню, коня дам, саблю и хутор. Коня я своего привёл, на нём в Комариху и приехал. Сабля... На кой она мне, та его сабля? Разве что для форсу. Землю-то ею пахать не будешь... А хутор у меня свой, родной. У Урганова тут такой устав: сотня на постое находится в Городне. Живут казармой, в тамошней школе. Занимают колхозную конюшню. Туда и сено свезли со всех полей, из поймы. Народу разрешили взять только остатки колхозной соломы. И в каждом населённом пункте — по человеку. Навроде участковых. Так и держит свою власть. Всё у него переписано: кто сколько поросят держит, кто сколько овец, и даже курам счёт имеется. И никто не смеет без его разрешения ни поросёнка забить, ни курёнка. А тут стали в Знаменке в самооборону народ набирать. Подумал я и решил: всё же не к этим разбойникам на службу идти, а мост охранять, поддерживать его, так сказать, техническое состояние. Да и казака с хутора атаман Урганов вынужден был отозвать. Он, Гришук, иногда к нам навевывается. И сегодня был. Самогона стакан закинет — и поехал дальше службу справлять. Вот, сержант, и вся моя история. И никакой тут путаницы нет. — Да нет, брат, это только её первая часть. Как в книжках пишут. — Это так. Что дальше будет, не знаю. Хутор не бросишь. На кого? На Урганова? На немцев? Мигом разграбят. Повидал я картин всяких. И таких, где дети от голоду мёрли. У себя в Комарихе не допущу. — Экой ты председатель колхоза, твою капитанамать!.. Я тебе — про другое! Немцев рано или поздно, а всё одно прогонят. Куда тогда пойдёшь со своей повязкой? Думаешь, и советская власть тебя при мосте оставит? Ты в особом отделе свою сказку расскажи, они сразу поверят... — А я с вами пойду, — неожиданно сказал Игнат и засмеялся.

Смеялся он впервые. Невесело. Смех его быстро потух. Отяпов промолчал. И подумал: некуда тебе, братец, идти, вот и смеёшься... Посмотрел на Игната и сказал:

— И петух порой кукарекает, когда его голову на пенёк кладут...

— Ничего, сержант, ничего. А хутор пока покараулю. И от немцев, и от казаков. А с советской властью, может, как-нибудь договорюсь. Никакого преступления за мной не числится. Народ подтвердит.

Отяпов тащил носилки, и в голове у него стоял тоскливый звон: то ли контузия окликала, то ли беспокойство, что всё же зря полностью доверился полицейскому, что не оставил для группы никакого запасного пути — только туда, к доту.

На дот у дороги они почти наткнулись. Бетонные амбразуры узкими чёрными щелями смотрели на запад, юго-запад и северо-запад. Подавать сигнал было уже поздно. Из-за насыпи показалась высокая фигура в капюшоне. Отяпов сразу узнал Гридникова. Слава тебе Господи...

— Туда. Тропа — там, — Гридников указал рукой на юго-запад, куда смотрела одна из бойниц, и сразу же исчез в узком дверном проёме.

И тотчас слева на дороге, отчётливо белевшей узкой полосой не растаявшего снега, послышалось лошадиное ржание.

— Быстро! Быстро! Уходим к лесу! — торопил разведчиков Отяпов, толкая их в спины.

Они покатились с насыпи вниз. Побежали по луку к лесу.

Полковника несли калужские. Втянув головы в плечи, они бежали напрямик к березняку, начавшемуся за широкой полоской луга, поросшего редким кустарником. Кустарник их и спасал — он закрывал обзор с дороги.

В доте было сыро, промозгло. Пахло мочой и гнилым табаком. Похоже, что прежние жители этого сооружения и курили, и управлялись в одном углу.

— Сколько до них, как ты думаешь? — Гридников уперся широко расставленными ногами в земляной пол, сторбился, подтянув приклад к плечу.

— Не спеши. Рановато ещё. Вон, видишь, берёзка белеет? До неё шагов сто двадцать.

— Понял. Как с ней поравняются, тогда и начнём.

— Гляди, кажись, заметили... Заметили наших.

И правда, строй ехавших по дороге стал рассыпаться. Несколько всадников повернули влево, их кони легко перескочили кювет и заскользили вдоль зарослей кустарника. Там послышались команды. Свернувшие с дороги двигались точно наперехват разведгруппы, которая ещё не достигла лесной опушки.

— Пора, Игнат!

Гридников сперва чиркнул над дорогой двумя короткими пристрелочными, потом запустил очередь подлиннее. И перевёл огонь влево, где среди кустарника мелькали всадники, отделившиеся от основного строя.

Встреченные внезапным огнём, казаки тут же повернули в лес. Там они спешили и начали

отвечать одиночной винтовочной стрельбой. Несколько раненых лошадей бились в кустарнике, испуганным утробным ржанием путая рассветную мглу.

— Надо было повыше брать, — сказал Игнат.

Гридников менял диск. Над раскалённым раструбом пулемёта плавился воздух.

Казаки, потеряв двоих человек, залегли в лесу. Изредка постреливали из винтовок. И уходить не уходили, и атаковать побаивались. Но вскоре осмелели и начали обходить дот со стороны леса. Игнат подкараулил их и дал несколько очередей. И ещё одного казака поволокли в лес его товарищи, подхватили обмякшее тело за ремни и исчезли в березняке.

— Всё. Теперь долго думать будут. Отчинили мы им лампасы. Будут знать, чубатые...

Дот на развилке дорог держался долго. Два раза казаки атамана Урганова кидались в атаку и оба раза вынуждены были отойти назад в лес. Во время последней атаки Гридников положил ещё двоих, пытавшихся подползти со стороны лощины. И крикнул Игнату:

— Уходи! Если тебя, убитого, здесь найдут, пропади твои на хуторе! Уходи! И коней уводи! Только автомат оставь!

Игнат молча выскочил из дота и пополз к оврагу. Там отвязал коней, вскочил в седло и помчался оврагом прочь от дороги. Вскоре овраг перешёл в неглубокую лощину. Здесь Комариха каждое лето косила сено. Игнат осадил коня, прислушался. Басовито и неторопливо стучал ровными короткими очередями дп, потом, словно в помощь ему, заходил ппш. Гридников ещё воевал, ещё не подпускал к себе казаков. Судя по тому, что за Игнатом никто не увязался, его ухода из дота казаки не заметили. Вовремя, вовремя он ушёл. Спасибо пулемётчику. Невесёлую судьбу он себе выбрал. Игнату было жалко и пулемётчика, и себя.

Теперь надо было спрятать следы.

Он повернул коня левее. Кобчик, привязанный за повод к седлу, послушно бежал следом. Началась дорога, которую знали только местные. Здесь Игнат дал коням отдохнуть. Всё пока складывалось хорошо. Кроме одного: он остался без винтовки. Винтовку у него забрал Отяпов, когда поменял её на автомат. Начал лихорадочно вспоминать, не оставил ли чего в доте или в овраге, что может навести казаков на его след. Вроде ничего. А винтовка — дело наживное. Он знал, где найти её. Жалко было Гридникова. Пулемётчик стоял в его глазах и повторял: «Уходи...» Долго ли он там, в доте, в одиночку продержится? Пока есть патроны, будет отстреливаться. А там...

Проехал с километр, впереди услышал шум и тут же свернул в ближнюю лощину. Затаился за кустами можжевельника.

Чуть погода за деревьями замелькала красноармейские шинели. Послышалось чавканье разбитых сапог и валенок. Он сразу определил: окружены. Выходить к ним было нельзя — увидят полицейскую форму и запростят пустят в расход. Кто их вёл, кто командовал, было непонятно. Валили сплошной толпой на юго-запад. Направление, видать, знали — к Кирову. Значит, кто-то вёл, знал карту и маршрут. Человек сто двадцать, может, больше. Все с оружием. Много носилок.

Хорошо, подумал Игнат, затопчут следы лошадиных копыт. И казаки, если даже будут его искать, ничего не найдут.

Некоторое время пробирался по осиннику вдоль дороги. Потом вернулся назад и по своему же следу выехал на утрамбованную тележными ободами колею.

Проехал с полкилометра и возле разлившегося овражка увидел носилки, в них закочевенное тело. Умерший был раздет до белья. Ни сапог, ни шинели, ни шапки. Всё правильно, теперь одежда ему была ни к чему. А кому-то она сейчас спасала жизнь. Война так и ходила — по самому невозможному в человеке, будила в нём то, о чём он в себе мог только догадываться, и то с неприязнью и ужасом. Но и хорошее поднимала. И Игнат снова подумал о пулемётчике. Вот кто он ему? Полицейский с хутора, которого можно было и за баню отвести, шлёпнуть, недолго разбираясь. Детей пожалел, понял Игнат. Это ж он моих детей пожалел...

Игнат привстал на стременах и осмотрелся. То, что он надеялся здесь увидеть, лежало шагах в десяти, возле самого ручья, на краю разлива. Приклад винтовки был уже в воде. Ствол с высоким намушником торчал вверх. Винтовка оказалась без затвора. Обычная история: затвор вынули и забросили в другую сторону. Хуже, если в ручей. Он снова сел на коня, сверху было видно лучше и дальше. Затвор действительно валялся в противоположной стороне, в зернистом ледяном снегу. Игнат очистил его, продул пазы и вставил на место. Патронов в магазине не было. И магазин, и затворная рама, и даже патронник были вычищены и поблёскивали лёгкой смазкой. Видимо, боец был человеком аккуратным и об оружии заботиться умел.

Он объехал стороной носилки. Решил так: если всё обойдётся, похороню его потом. Толкнул коня в бока, и тот послушно начал заходить в ручей. Ручей был неглубокий. Игнат это знал. Выбравшись на другой берег, пустил коня краем берега. Знал: днём ручей прибавит, и следы уйдут под воду.

Глава четырнадцатая.

Чсы на серебряной цепочке

— Стой! — и Отяпов поднял руку.

Они уже вышли к шоссе. Впереди, за узкой полоской леса, ясел простор широкой дорожной

просеки. Гусёк уже вернулся из головного охранения и доложил, что дорога свободна, никакого движения не наблюдается, что место для перехода удобное—лес близко подступает к шоссе, и можно переходить. Судя по карте, до своих окопов оставалось километров пять. До немецких—ближе.— Вот что, ребята,—собрал разведчиков, объявил Отяпов,—сейчас переправим полковника и Машу на ту сторону, а сами вернёмся к дороге. Гридникова и этого... Игната... надо выручать. Что ж мы их бросили? Они нас взялись прикрывать. Можно сказать, спасли. А мы...

Разведчики в ответ молчали. Новый приказ сержанта Отяпова их не радовал. Их лица уже посветлели, они уже понимали, что нелёгкая их дорога пошла на убыль, что скоро окажутся дома... Только Гусёк, всегда готовый ко всему, кивнул и осторожно посмотрел на товарищей.

— Гридникова и Игната надо выручать,—повторил Отяпов и плотно сжал рот.— Кто не хочет возвращаться, останется с полковником и Машей. Никого не неволю. Кто остаётся?

Никто не шевельнулся.
— Остаётся Гусёк,—неожиданно приказал Отяпов. Гусёк встрепенулся.

— Отдай Лапину и Курносову запасные диски и гранаты. Себе оставь одну. И один диск.

Отяпов знал, что возвращаться к доту—дело гиблое. Но и оставить, по сути дела—бросить, Гридникова он не мог. Не несли его ноги домой без пулемётчика, оставленного на дороге. Как он потом будет смотреть в глаза товарищам? А Гуська он просто пожалел. И все это поняли. Гусёк был самый молодой из них. По всему выходило, приказ старшего сержанта Отяпова был правильным.

Через шоссе они перешли благополучно. Взяли носилки вчетвером и бегом пересекли просеку. Углубились в лес на полкилометра, нашли подходящий овраг и оставили там полковника, Машу и Гуська.

Сами бегом вернулись назад.

А ведь уже стар я бегать по лесу, подумал Отяпов, прислушиваясь к хриплому дыханию своих разведчиков. Устали и они. Особенно спотыкался Лапин.

— Что, Расписной,—подначивал его Курносов,—ухряпался? Это тебе не по форточкам лезть.

Лапин сморщился наподобие улыбки, показывая ряд мелких, съеденных цифирём зубов, и ничего не ответил. Он был не форточник, но спорить с товарищем не стал. Надо было беречь силы.

Стрельба возле дота ещё продолжалась, когда они пробрались к перекрёстку дорог.

Помочь Гридникову они не смогли.

Казаки, не справившись с пулемётом, вызвали подкрепление.

Разведчики лежали на опушке леса и наблюдали, как по насыпи из леса вышел танк. Остановился.

Повёл коротким хоботом пушки и сделал два выстрела. Фугасы разорвались под самым основанием дота. Амбразуры затянуло дымом. Но пулемёт продолжал вести огонь. Тогда танк подошёл ближе и почти в упор начал расстреливать дот. Казаки, осмелев, высыпали из леса, и, сдвинув кубанки на затылки, закурили. Пулемёт замолчал.— Вот сволочи,—сказал Курносов и оглянулся на Отяпова.— Что будем делать, Нил Власыч?

— Ворочаемся,—отдал приказ Отяпов и, не отрывая глаз от дороги, где дыбился чёрный дым над смутным приземистым холмом дота, откинул капюшон, снял шапку и украдкой, одним пальцем, перекрестился.

Они отползли от опушки в лощину и гуськом, соблюдая интервал в десять-двенадцать шагов, побежали на юго-запад.

Отяпов бежал замыкающим. Время от времени останавливался, оглядывался. Там ещё рвались снаряды. Не жалели немцы боеприпасов. Бетонный дот взять было не так-то просто. Опасались, что Гридников и Игнат ещё живы, что могут открыть огонь, вот и дожигали свечечку до полочки...

Отяпов горевал по своему пулемётчику. Как не горевать? Близкий человек был. В бою всегда рядом. С самой Тулы вместе. Вспомнил, как тот угощал голодного мальчонку в Калуге. Да и Игнат оказался человеком хорошим. На смерть пошёл ради них. Вот тебе и полицейский. Как теперь хуторским без него?

Варшавское шоссе перешли не сразу. По дороге двигался обоз—десятка два подвод, запряжённых парами. Кони крупные, с куцыми хвостами, одинаковой гнедой масти. Потом, в обратном направлении, пролетел мотоцикл с одиночным мотоциклистом. Подождали ещё минут пять и перебежали просеку. Перебежали парами. Последним—Отяпов.

В лесу, когда уже отыскивали Гуська с полковником и Марией, Отяпов сверился с картой. Примерно определил место, где они находились. До окопов оставалось совсем ничего, может, с километр-полтора. В этом месте линии траншей близко подходили к шоссе. Где-то правее должна находиться Заболонка. Отяпов решил выходить немного восточнее тропы, которой они входили сюда. Если вчера или сегодня утром немцы обнаружили их след и догадались, что это входила разведка, то будут поджидать их на выходе. Такое уже случилось.

Гусёк вскоре вернулся радостный:

— Там, дядя Нил, за полем деревня,—указал он на просвет среди осин.— Заболонка. Наша тропа чуть правее. А здесь, как ты приказал, я разведал лощину. Можно по ней пройти. Там ни души. Я прошёл до самого дота и назад.

— Значит, луг и грейдер никак не миновать?

— Никак, дядя Нил. Правее, за дот, я не пошёл. Там могут быть окопы.

— Правильно. Что ж, пойдём через грейдер. Рискнём ещё раз.

Руины дота виднелись справа в березняке. Расщеплённые, обгорелые брёвна и куски смёрзшейся глины. Взрывчатки сапёры не пожалели. Доты здесь стояли повсюду. Одни занимали немцы, другие — наши. Некоторые, как тот, на дороге, были брошены.

Полянку, которую контролировал когда-то гарнизон дота, они решили перебежать всей группой. Через полянку, рассекая её вдоль от леса до поля, проходила дорога — довоенный грейдер, видимо, недостроенный и брошенный. Кругом кучи сдвинутого бульдозером песка, небольшие котлованы, штабель подтоварника, наполювину разобранный. Видимо, на строительство дота.

Они сосредоточились в березняке на опушке. Отдыхались. Перебежать полянку — две-три минуты. За нею уже начинался лес. Леса на той стороне уже можно было не бояться. Им владели боевые охранения и передовые дозоры их дивизии. Немцы туда уже не совались.

Носилки взяли вчетвером. Мария, придерживая раненого полковника, бежала рядом. Гусёк — впереди. Отяпов — замыкающим.

Когда подбежали к грейдеру и начали подниматься по каменистой насыпи, Отяпов услышал какой-то шум. Вначале подумал, что от перенапряжения пробило пробку в ушах, вот почему грохот их сапог стал таким громким. Но вдруг увидел, как метнулся вправо Гусёк и мгновенно пропал за оплывшим песчаным гребнем с той стороны, потом покатился по откосу насыпи вниз, что-то закричал. Туда же хлынули и остальные, пригнувшись и втянув в плечи головы. А левее, шагах в десяти, навстречу им из-за насыпи так же бегом двинулась группа одетых в камуфляжные куртки «древесных лягушек».

Отяпов выскочил на грейдер и оказался лицом к лицу с рослым немцем. Тот тоже остановился и смотрел на него из-под низко надвинутой каски, обтянутой такой же защитной материей, продранной, будто износившейся в некоторых местах. Глаза немца лихорадочно бегали по сторонам. Отяпов мгновенно оценил ситуацию, которая не обещала ничего хорошего ни им, ни немецкой разведгруппе, и опустил карабин. Немец тоже сунул подмышку автомат и поднял руку. Отяпов некоторое время разглядывал его грязную перчатку, потом ухватил боковым зрением своих и чужих: свои уже спускались с насыпи, и Гусёк с колена целился в сторону немцев; немцы, так же стремительно и так же втянув головы в плечи, прыгали и скатывались по противоположному, северному откосу грейдера, и один из них, вскинув автомат, целился в Гуська.

Отяпов тоже поднял руку. В первую очередь для того, чтобы упредить действия Гуська, который мог

открыть огонь в любое мгновение. Но тот, видимо, всё понял. И, привстав на корточках, проводжал «древесных лягушек» стволом своего ппш.

Немец продолжал неподвижно смотреть на Отяпова. Теперь глаза его были спокойней. Он тоже отвечал за всю группу, и ему тоже хотелось всех привести домой живыми и здоровыми.

Немец повернулся первым. Он закинул автомат за спину и быстрым шагом пошёл к обрыву. Он был уверен, что в спину ему не выстрелят.

Проводив его взглядом, повернулся и Отяпов. Карабин его висел на плече по-охотничьи, стволом вниз.

Разведчики уже добежали до березняка. Он видел, как некоторые из них испуганно оглядывались на грейдер, на него, своего командира, спускающегося с грейдера по каменистому откосу, на немцев, бегущих такой же испуганной стаей к другому лесу на другой стороне поляны.

— Твою-капитана... — только и сказал Отяпов, догнав своих разведчиков, которые, сбившись в кучу, ждали его в можжевеловых зарослях. — Курносов, сверни-ка мне папироску потоньше, — попросил он, — а то у меня пальцы как ножи на жнейке...

Курили всей группой. Первым голос подал Лапин:

— Алмазно мы через насыпь перемахнули! А, командор? Штаны-то сухие? — и показал свои мелкие чифирные зубы.

— Да ты, Расписной, быстрее всех до леса добрался!

— Как? — возразил Лапин. — Я вместе со всеми. Никто носилки не бросил. Когда, товарищ старший сержант, будете писать представление на заслуженную награду, прошу так и отметить.

— Вот что, ребята, — дотягивая сигарку, сказал Отяпов, — про этот случай — никому. Маша, и ты молчи. Иначе затаскают. По уставу мы должны были открыть огонь. Да и через грейдер бежать не гамузом, а как положено. Рассредоточенно. С прикрытием и так далее.

— А те как драпали! — не унимался Гусёк. — Только подковки мелькали!

— Тоже разведка. Пустые пошли.

— И хорошо, что пустые. Иначе бы просто так не разошлись.

— А их вроде побольше было. Человек десять.

— И все с автоматами. И пулемёт.

— Мы свой пулемёт потеряли, — вздохнул Отяпов.

— А тебя, Гусёк, замыкающий долго на мушке держал.

Гусёк в ответ только засмеялся.

Вскоре они вышли на боевое охранение. Их окликнули с опушки. Когда узнали, что разведчики, приказали, чтобы шли по два. В ответ Лапин обложил их матюгами. И они пошли всей группой. Спрыгнули в траншею. Гусёк сразу уснул,

пристроившись на ящиках из-под какой-то армейской надобности.

Отдыхали они в траншее у охранения недолго. Съели остатки консервов, запили кипятком из термоса—пехота угостила.

Пришёл в себя полковник. Открыл глаза, спросил:

— Какое сегодня число?

Ему ответили. Мария приложила к его потрепавшимся губам фляжку. Он сделал два глотка и снова спросил:

— Где мы?

— Уже у своих, Иван Мефодьевич. Вышли. Вот, дядя Нил... Товарищ старший сержант Отяпов нас вывел.

— Сейчас направим вас напрямиком в лазарет, товарищ полковник. Тут недалеко уже...— обрадовался Отяпов, что полковника вынесли всё же живым. В чём он какое-то время сомневался. Но вот—живой и даже разговаривает.

— А где капитан Забельский? Где лейтенант Катёнв? Где все остальные?

Мария пожала плечами.

Когда полковника донесли до санчасти и за ним из землянки выбежали санитары, тот поймал руку Отяпова, пожал её и сказал:

— Примите, старший сержант, от меня,—и сунул ему карманные часы на серебряной цепочке.

Отяпов вначале отвёл его руку и положил часы на плащ-палатку, которой были обмотаны раненые ноги полковника.

— Возьмите,—уже не поднимая головы, повторил полковник.—От всей души. За то, что не бросили нас с Машей.

— Бери, командор,—толкнул его в спину Лапин.—Знатные баки.

И Отяпов принял подарок полковника. Если разобраться, подумал он, то подарок он получил вполне заслуженный. Радовало и то, что полковник оказался человеком хорошим. Хотя кто его знает, может, потом будет сожалеть о том, что отдал дорогую «луковицу» какому-то случайному разведчику. Отяпов послушал, как часы с тихим и размеренным шумом тикают в своём благородном, из резного серебра, корпусе, расстегнул нагрудный карман гимнастёрки, бережно опустил их туда, потом так же аккуратно застегнул пуговицу и приложил ладонь к шапке:

— Служу трудовому народу.

— Служи, солдат, служи...—и полковник прикрыл усталые веки, которые уже светились воском.

И правильно, что взял, провожая взглядом полковника и Марию, подумал сержант Отяпов, всё равно за нашу разведку медали вряд ли дадут. А ребятам из своих запасов махорки побольше отсыплю. Гуську—хороший кусок сахара.